

Ведун

Александр Прозоров

Конец пути

«Автор»

2006

Прозоров А. Д.

Конец пути / А. Д. Прозоров — «Автор», 2006 — (Ведун)

Исправляя свою ошибку, Олег Середин вынужден сражаться против своих недавних союзников, против своих друзей. Раз именно он открыл колдуну Аркаиму тайну власти над миром – значит, именно ему придется останавливать некроманта па пути к этой власти. Тяжелый выбор предстоит сделать ведуну – жизнь Урсулы, чья кровь может открыть врата Хаоса, или спокойствие целой планеты, рискующей попасть под пята злобного и коварного колдуна.

© Прозоров А. Д., 2006

© Автор, 2006

Содержание

Беглецы	5
Ищейка	26
Всесильная книга Махагри	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Прозоров

КОНЕЦ ПУТИ

Беглецы

Восторг победы был прекрасен – и, как все приятное, длился намного меньше, нежели этого хотелось бы. Стоя над поверженным правителем, уже через мгновение Олег вспомнил, что где-то там, в большом дворце, осталась Урсула – если, конечно, мудрый Аркаим не успел принести ее в жертву. Что там же спрятан и седьмой осколок каменной книги, от которого, может быть, зависит дальнейшая судьба всего этого мира. А значит – и мира будущего. Так что радоваться было пока рано. Вначале следовало осуществить то, ради чего, собственно, и затевался поход.

– Свяжите его, – подозвал ведун уставших стражников Раджафа. – И глаз с него не спускайте.

– Хоть бы раны перевязал, – упрекнул Середина исколотый правитель. – Вспомни, я с тобой обращался иначе.

– Готов поспорить, – усмехнулся ведун, – они у тебя сами затянутся за несколько минут. Так или нет, мудрейший? Ну, признайся честно.

– Конечно, затянутся, смертный, – откинул пленник голову на землю. – А то тут с вами кровью истечешь, пока хоть кто обеспокоится.

– Так я и знал... – кивнул Олег. Было бы наивно думать, что правитель возрастом в несколько столетий, оставшийся живым после доброго десятка смертельных ран, помрет только оттого, что его перевязали на несколько минут позже. – Осторожней, служивые. Думаю, очень скоро он восстановит силы и опять сможет раскидать вас всех, как котят слепых.

– Я и сейчас могу, – признался мудрый Аркаим. – Только мертвецов своих убери.

– Руки давай! – Вения, сотника дворцовой стражи великого Раджафа, было не узнать. Лицо залито кровью так, что видны только белки глаз, рубаха на груди распорота в трех местах от левого плеча и до пояса, от щита осталась только нижняя половина. Воин склонился над пленником, принялся старательно его связывать. – От меня не уйдешь. Ужо доставлю до брата, никуды не денешься.

Впрочем, остальные стражники выглядели не лучше. Уцелело их всего человек двадцать – двадцать пять. Большинство имели раны, все выдохлись за несколько часов боя так, что еле стояли на ногах, – подходи и бери голыми руками.

– Если кто желает перекусить, кухня там, – указал в сторону большого дворца ведун.

Но даже такая перспектива не вызвала у людей, голодавших два последних дня, ни малейшего энтузиазма. Оставалось рассчитывать только на полсотни тупых, но исполнительных существ, не знающих усталости. На мертвецов, оживленных волею Итшахра, зеленого бога с разноцветными глазами.

– Оставьте его, воины, – приказал ведун, убедившись, что пленник надежно связан по рукам и ногам. – Возьмите самые крупные камни, которые сможете поднять, и идите за мной.

Со стороны двора большой дворец не производил особого впечатления. Обычная каменная кладка между отвесными стенами ущелья. Всего метров десять в ширину, восемь рядов окон, внизу ворота и прочные дубовые двери справа и слева от них. В покои, что занимал Олег, когда был в гостях у Аркаима, вела правая.

– Ломайте ее, – посторонился ведун, указав на нужную сворку.

Следовавший за ним зомби с перерезанным горлом разбежался, толкнул лежащий у него на плече камень весом пуда в два, отскочил в сторону. Валун гулко врезался в доски, заставив

их недовольно хрустнуть, отскочил, покатился к воротам. Видимых повреждений у двери не появилось, но почти сразу вслед за первым в нее врезался второй камень, третий, четвертый – пока она наконец внезапно не отвалилась от стены и не легла с вывернутыми петлями нападающим под ноги.

Олег обнажил саблю, прислушался. Из дворца доносились крики, звон оружия.

– Любовод, это ты? – окликнул ведун.

Ответа не последовало – но кто еще, кроме купца, мог рубиться в коридорах возле кладовой со своим добром? Это означало, что на помощь мертвецов рассчитывать не стоило. Отдай им приказ «Вперед!» – и они порубят все живое, что встретят на пути. И Любовода, и Урсулу, и детей, и женщин, молящих о пощаде. Тупые зомби в таких тонкостях не разбираются.

– Стоять! – на всякий случай предупредил воинов Середин и ступил в темный коридор.

Поначалу он крался, готовый в любой миг вступить в схватку, но навстречу никого не попадалось, и Олег перешел на бег, резонно полагая, что защитники собрались там, где появилась опасность прорыва. Лестница, третий этаж... Вроде выше дерутся. Ведун избежал еще на два этажа, промчался по полутемному проходу к коридору у внешней стены, повернул налево...

– Сдавайтесь, несчастные! – грозно взревел он, врезаясь сзади в толпу напирających на купца, Будуту и троих стражников слуг Аркаима. Одного он огрел плашмя саблей по голове, другому саданул ребром щита под лопатку, третьему поддал ногой между расставленными ногами. – Сдавайтесь, не то всех покромсаю!

Прислуга, которая и без того вместо оружия сражалась ножами, палками, засовами и даже медным котлом, оказавшись меж двух врагов, сникла, побросала все, что имела в руках, и без отдельных приказаний опустилась на колени. На полу остались два окровавленных тела со стороны Любовода и три бесчувственных со стороны ведуна.

– Успел, друже! – Переступая через людей, купец подошел к Олегу, радостно его обнял: – Вы там как?

– Аркаима повязали...

– А-а-а-а!!! – услышав его, радостно возопили стражники.

– Повязали, в общем, – переждав крики, закончил Олег, – и черных смолевников перебили до последнего. Дворцы наши оба... А ты как сюда попал?

– Как со скалы на веревке спускались, аккуратно на крышу дворца и попали. Ну вниз пробиваться начали... – Купец повернулся к замершей прислуге: – Ну, охальники, кто ведает, куда добро мое припрятано?

– Внизу оно, чужеземец... – пробормотал один из пленников.

– Ну так веди, чего расселся?

Любовод заторопился к своим сокровищам. А Олег, вернув саблю в ножны, поспешил к светелке, в которой уж почти месяц назад оставил невольницу. За спиной у него кто-то из стражников нетерпеливо спросил:

– Трапезная где?

Будута, разумеется, отправился с ними. Возможность наполнить брюхо холоп ценил, пожалуй, даже выше, нежели набить мошну.

Память не обманула – пробежав до развилки, Олег отсчитал пятую дверь слева, толкнул створку. Отдыхающая на постели девушка с каштановыми волосами, в шароварах и короткой войлочной курточке перекатилась на спину... Радостно взвизгнула, кинулась к нему:

– Господин! Мой господин!!! – И повисла на шее. Интересно, если бы Урсула была не бесправной рабыней, а полноценной женой, что бы она позволила себе тогда? – Господин вернулся! Ты вернулся!

– Разумеется, – погладил ее по голове Олег, отстранил и поинтересовался: – Как ты здесь? Чего делала, как жила, что видела?

– Ничего... – плюхнулась обратно на постель невольница. – Так и сижу, никуда не выглядывая. Только ем и сплю. Растолстела, наверное, раза в два. Правда, красивее стала?

– Наверное, – кивнул Олег.

За счет нормального сна и хорошего питания Урсула заметно округлилась, и если раньше она выглядела как желудь со спичками на месте рук и ног, то теперь напоминала вполне упитанного розового поросеночка. Всего месяц постельного режима – и двенадцатилетняя на вид пигалица округлилась годиков этак до восемнадцати.

– Гроза тут была два раза, – припомнила девушка. – Да камнепад раз случился.

– Испугалась? – Олег отошел к окну, обозрел с километровой высоты спрятанную между горами долину. – Тебя никуда не водили, ни о чем не спрашивали? Или, может, приходил кто?

– Нет, господин, – мотнула головой рабыня. – Токмо служанки заглядывали. Да и с ними словом не обмолвишься. Молчат, как язык отрезали.

– Неужели совсем ни с кем не разговаривала?

– Нет, господин. Да и о чем? Спала больше. В кои веки и покормят, и напоят вдосталь, и ничего никому не надобно. Вставать – и то ни к чему.

– Ты вставай, вставай, – покосился на нее Середин. – Пролежни появятся.

– Иди лучше ты ко мне, господин! – призывно вытянула руки Урсула.

Подумать над предложением Олег не успел. Взгляд его скользнул по участку ведущей к замку тропы возле ворот долины, и ведун с силой вцепился пальцами в подоконник:

– О проклятие! Урсула, вставай! Собирайся, коли взять чего хочешь. Ну, хватай, и бежим!

– А что, господин...

Середин, не тратя времени на объяснения, просто схватил ее за руку и потащил за собой – по коридорам к лестнице, потом бегом вниз:

– Любовод!!! Любовод, ты где?

– Я здесь, друже, – наконец отозвался купец, оказавшийся на первом этаже в кладовке у самой дальней, наружной стены. – Почто шумишь, баламутишься? Я поглядел, сундуки наши в целости лежат, и зеркала в них на месте.

– Снизу еще сотни две мужчин поднимаются. Видать, деревенские подоспели по тревоге, пока тут черная сотня с нами сражалась. Уходить надобно, пока не добрались.

– Постой, как уходить? – испугался купец. – А товар как же? Нечто бросить его тут черни на потребу, на разорение.

– А как ты собираешься по карнизу в сажень шириной через вражескую рать сундуки уносить? Брось. Дворец – Аркаима. Его люди разорять жилище своего правителя не станут. Авось, еще удастся сюда заглянуть.

– Дык... Стены, ворота, люди... Запремся давай, друже. Воины у нас под рукой есть, оборонимся.

– И сколько ты тут сидеть собираешься? Пока жратва не кончится? Год, пять? Не выпустят же туземцы. Мы от них, может, и оборонимся, но они-то никуда не уйдут. Они же тут дома! И это если ходов и троп тайных во дворец нет. А то ведь и обойти могут. И не пойдем как. Или ворота кто из прислуги тайком откроет. Нет, Любовод, уходить надобно, и побыстрее.

– Уходить?! – чуть не взвыл купец. – Токмо нашел – и уходить снова?

– Не скули. У тебя же две шапки самоцветов от Раджафа в лесу где-то закопаны.

– Ну, дык, лишний товар дна не проломит, – возмутился новгородец. – Чем больше на Русь привезем, тем дольше гоголем ходить будем.

– Привезем, коли живота тут не оставим. Запирай, идем...

По-прежнему не отпуская Урсулы, ведун добежал до здешней кухни, распахнул дверь. Крикнул:

– Собирайте, что унести можно, уходим! Свежие сотни к Аркаиму из селения подступают!

Разумеется, все стражники были уже здесь и с азартом разоряли хозяйские припасы. Плов в огромном казане ничьего интереса не вызвал. Незваные гости налегали на копченое мясо и рыбу, заедали это густым горным медом, запивали хмельным пивом. Тем не менее повторного приглашения воинам не понадобилось. Услышав про опасность, они принялись торопливо набивать мешки. Лишь сотник, подойдя ближе, тихо спросил:

– Как же уходить станем, чужеземец, коли ворог на пути?

– Как пришли, так и уйдем, Вений. Ты бы умыл лицо-то. Смотреть страшно.

– По веревкам? Так ведь долго это, чужеземец. Коли не оставить никого врата и стены оборонять, не успеем скрыться. Нагонят. Прямо здесь и порежут всех. А коли оставить, так... Так тут воины и останутся, пока не полягут. Не смогут уйти-то. Нас и так пять на двадцать, да поранены, почитай, через одного. Здоровых оставить – Аркаима тащить некому станет. Увечных – не устоят долго.

– Вы собирайтесь быстрее, сотник, и уходите. А задержать смертных я и без вас смогу. Дурное дело не хитрое.

Воин вздрогнул, услышав из уст чужеземца эпитет, которым награждали людей лишь здешние правители, склонил голову:

– Тогда мы уходим. Удачи тебе.

– Веревку одну оставьте. Я тут тоже погибать не собираюсь. Все, уходите!

Сотник повернулся к своим, а Олег вышел во двор, где у двери замерли зомби, ожидавшие нового приказа. Урсула испуганно взвизгнула, спряталась ведуну за спину.

– Хватит орать, сейчас не до испуггов, – решительно осадил ее Середин. – Иди к пруду, жди меня там. А вы... Ломайте ворота!

Створки ворот поддались камням еще легче, чем двери. Они совсем не предназначались для защиты от нападения со двора – тут и засов был, и открывались они наружу. С той стороны кто-то просто подпер ворота обычным колышком, который отскочил после третьего удара камнем. Олег первым прошел в темный проем ворот, опасливо втягивая голову в плечи. В таких местах, в полу теремов, обычно делают бойницы, чтобы сверху стрелять в тех, кто прорвался через первые врата, сыпать раскаленный песок или гуманно поливать кипятком. Про расплавленную смолу ведун читал только в учебниках да в кино это видел – в здешнем мире такую роскошь никто себе позволить не мог. Да и зачем, если простой кипяток ничем не хуже?

Однако защитников в большом дворце уже не осталось. Середин без приключений дошел до внешних ворот. Поднатужившись, снял с дубовых, окованных железом створок трехпудовый затвор, прислонил к стене, вышел наружу. И вздрогнул от неожиданности – успел отвыкнуть от открывающегося с этого места вида. На миг почудилось, что он парит прямо в воздухе на высоте облаков. Скальный карниз в полтора метра шириной не имел никакого ограждения, и с непривычки казалось, что любой порыв ветра, любое неловкое движение – и ухнешься вниз, в бездонную пропасть.

Там, далеко-далеко внизу, виднелись черточки грядок, прямоугольники убранных полей, голубоватый изгиб ручья, квадратные крыши домов. Люди казались крохотными муравьишками, лошади – тощими жуками. Правда, та цепочка мужчин, что с копьями на плечах и топорами за поясом поднималась по карнизу далеко слева, тянула уже не на муравьев, а как минимум на тушканчиков.

– Приказываю вам спуститься вниз по этой тропе до самой земли, убивая всех на своем пути, – негромко произнес Олег, указав нужное направление.

Когда пять десятков мертвецов, помахивая мечами, двинулись навстречу ополченцам, ведун спокойно вернулся в тень ворот и запер за собой створки, подняв засов и положив на

прочно приклепанные к дереву крюки. Затем так же аккуратно закрыл вторые ворота со стороны двора.

Узкий карниз на километровой высоте – не лучшее место для битвы. Сражаться там можно только по одному, на череду поединков понадобится время. Так что каждый из полсотни зомби – по которым никто не станет плакать, которые не способны чувствовать ни страха, ни боли – подарит отступающим стражникам по одной, две, а то и по пять минут. Два-три часа есть. Плюс – пока еще ополченцы взламывают ворота или найдут способ перебраться через стену большого дворца... Люди Раджафа к этому времени будут уже очень, очень далеко.

– Господин! – послышался от пруда радостный крик. – Господин, ты справился с ними!

Невольница кинулась к нему, но еще до того, как девушка повисла бы у него на шее, Олег успел отвернуть в выломанную дверь, быстрым шагом прошел на кухню. Пара часов в распоряжении ведуна все-таки была, а он точно так же, как и остальные, уже давненько не ел.

Стражники приложились к припасам мудрого Аркаима весьма неплохо, и все же, пройдясь по полкам и шкафам, Середин нашел мешок молотого ячменя, берестяной короб с мелко молотым сушеным мясом, двух конченных форелей и запеченную, с румяной корочкой, куропатку.

– Ты здесь, господин? – неуверенно заглянула в дверь Урсула.

– Иди сюда, подкрепись перед дорогой...

Олег отломал для нее ножку с куском бока, сам вгрызся в другую. Рабыня явно была сыта и особой радости не выказала – но она успела натерпеться за минувший год вполне достаточно, чтобы не отказываться от пищи перед перспективой трудного и, возможно, голодного перехода. Брюхо, известное дело, добра не помнит. Хотя вспоминать эту истину лучше на полный желудок.

Наскоро прикончив птичку, ведун подобрал с пола обрывок веревки, зажал один уголок мешочка с щепотью пшена в нем, туго завязал. Зажал второй – тоже завязал. Посередине шнурка свернул петлю-удавку, накинул на горловину, затянул, подал получившийся вещмешок невольнице.

– Надевай, твоя доля. Остальное я к себе засуну. Моя заплечная сума где-то наверху, среди скал болтается. Идем.

Наспех сложив собранную еду в обычный мешок, Олег выскочил во двор и побежал, стреляя глазами в стороны.

– Я так ждала, так жда... жда... ждала тебя, господин, – на ходу засовывая руки в веревочные петли, пыталась рассказать девушка. – У окна каждый день по нескольку раз стояла. Плакала немного. Молилась всем богам, каких знала. Я бы принесла жертву, но не знала, где тут свя...

Они как раз добежали до дворца из яшмы, и рабыня осеклась, увидев залитые кровью камни, траву, порог зала.

– Что здесь случилось, господин?

– Все как всегда, Урсула. Хорошие парни поссорились с плохими.

– А кто был хорошим? – вскинула она на него разноцветные миндалевидные глаза, синий и зеленый.

– Честно говоря, уже и сам не знаю, – задумчиво ответил Олег. – Так ты говорила, тебя к торкам купцы с севера привезли? Откуда, из каких земель?

– Неведомо, – пожала плечами невольница. – Я маленькой была совсем, не помню. Что купцы сказывали, не слышала. Обмолвился кто-то в гареме: мол, с севера по реке торговые гости плыли. Им за меня хорошую цену дали, вот и оставили. А отчего ты вспомнил, господин?

– Да так, мысли бродят...

Получалось, великий Раджаф, стремясь обезопасить свои земли от рокового тройного жертвоприношения, отправил ее с торговцами вниз по реке, пожалел невинную душу. Урал

как раз через торкские земли протекает. Там, в низовьях, купцы ее и продали. А ему, Середину, эту рабыню ратники муромские в уплату за оберегающий заговор подарили. И поехал он после похода в Углич, туда, где Любовод невесту себе присмотрел. То, что купец в неведомые земли захотел сплавать – это нормально, случайностью не назовешь. Но вот то, что Олег так долго берёт невинность рабыни, не желая развращать малолетку, пусть и обученную в гареме на будущее любовным искусствам; что берёт, не продал никому, хотя ничего, кроме мороки, от нее не получал; что с собой в плавание девчонку взял, а потом вдруг сломался и лишил невинности прямо у ног каменного Итшахра, бога мертвых, тем самым принеся первую жертву, жертву девичества – уже не казалось простым совпадением. Слишком уж много получалось случайностей. Вот и не верь после этого, что человек – всего лишь игрушка в руках богов!

И ведь это было предсказано здешним пророчеством еще тысячи лет назад! Что явятся человек нерожденный и сын русалки, разбудят зеленого бога, перевернут здешние царства... Нерожденный человек на планете, наверное, только один – именно он, ведун, заброшенный в этот мир из далекого двадцать первого века им самим же сотворенным закланием познания – закланием Велесовой книги, закланием, отвечающим на любые вопросы. Тогда Олег желал выяснить, для чего он изучал много лет магию и мастерство боя на мечях – и заклание швырнуло его сюда.

Неужели пророчество предусмотрело и это? Его рождение через тысячу лет, его увлечение колдовством, его заклание и вопрос. Его встречу с молоденькой невольницей и долгий путь сюда, к давно позабытому алтарю. Невероятно... Впрочем, мысль о том, что все это – хитроумный план Итшахра, показалась еще более невероятной. Придумать и осуществить такое – слишком круто даже для бога!

С другой стороны, бог мертвых до сего времени спал. Значит, организовать свое пробуждение он мог только из будущего – из того времени, когда он уже проснется. Сделать так, чтобы некий мальчишка набрался сил и знания, а потом сотворил заклинание, ухнулся в его мир, нашел девочку с разноцветными глазами, привез ее на алтарь и осуществил первое жертвоприношение, пробуждающее Итшахра – дабы тот смог в будущем найти мальчишку, внушить ему идею заняться магией и кузнечным делом, рубкой на мечях...

– Электрическая сила! – тряхнул головой Олег. – Нет, с такой логикой свихнешься. Пусть лучше будет случайность.

– Ты о чем, господии?

– Вербку ищи. – Ведун старался не смотреть в сторону дворца из яшмы, в задней части которого находилось святилище бога мертвых Итшахра. – Нам должны были одну оставить... Вижу!

По окровавленным камням он подобрался к свисающему со стены ущелья пеньковому концу, пару раз хорошенько дернул, проверяя прочность:

– Должно выдержать. Жалко, никто узлов навязать не догадался, чтобы лезть проще было. Ты как, заберешься?

– Как? – захлопала своими большими глазами невольница.

– Все ясно, вопрос снят... – Середин немного подумал, потом поднял край веревки с земли, обвязал девушку под мышками: – Руки опусти и ни в коем случае не поднимай, понятно?

– Да, господин.

И это не потеряй... – Он снял пояс с оружием и повесил ей на шею. С саблей па боку особо не полазишь. Хорошо хоть, броню они с собой не взяли. В доспехах точно никуда не взберешься.

Ведун взял мешок с продуктами в зубы, подпрыгнул, хватаясь за веревку как можно выше, наступил Урсуле на мешок, на плечо и принялся забираться на скалы. Поначалу все это казалось совершенно невозможным – по слишком тонкой веревке скользили и руки, и ноги,

обмотать ее вокруг ступней не получалось из-за девушки – она слишком сильно натягивала конец. Но на высоте метров трех скала придвинулась почти вплотную – Олег смог упираться в ее неровности ногами, сняв часть нагрузки с рук, и начал взбираться уже более уверенно. Минут через десять он перевалился на относительно горизонтальную поверхность и выпустил пыльный мешок из зубов.

Ладони все горели, но деваться было некуда – он вытряхнул продукты, обмотал руки мешком, поверх накрутил веревку, поднатужился и медленно попятился между скальными выступами. Снизу послышался визг – похоже, Урсула оторвалась от земли. Стиснув от натуги зубы, Олег продолжал отступать, вспоминая те дни, когда мог поднять эту красотку одной рукой. И было это... Всего полгода назад! Растет ребеночек...

Спина ощутила препятствие – он уперся в гранитный монолит. Ведун согнул руки, вытаскивая веревку, намотал ее на левую руку, подтянул. На правую – подтянул. Еще немного... Еще чуточку...

Визг стих, веревка резко ослабла. Олег, с трудом сдерживая стон от боли в изрезанных ладонях, стряхнул веревку:

– Урсула, ты здесь?

– Да, господин!

– Урсула... Ты, конечно, стала намного красивее... Но, пожалуй, тебе стоит немного походить.

Он подошел к девушке, снял с нее ремень с оружием, застегнул у себя на поясе. Теперь, если у подданных Аркаима есть тайный ход наверх, он сможет встретить их добрым заговоренным клинком. Если, конечно, удержит его в таких руках.

– Нужно торопиться, девочка... – сказал он больше для себя, чем для нее, и отправился искать свой заплечный мешок.

Поиски закончились неожиданно быстро: уже через пару шагов Середин увидел чье-то брошенное снаряжение. Брать в сечу лишний груз никто из стражников не хотел, а вернулись из нее от силы один из четверых. Ничего особенного в котомке ведуна не имелось, а потому он уложил обеих рыбешек и сушеное мясо в найденный мешок, забросил его за спину и двинулся дальше уже со свободными руками. Сам мешок ладно, но вот поверх него была привязана вещь весьма и весьма ценная...

– А-а, вот и ты, ночная подружка, – издалека заметив белую скрутку, ускорил шаг ведун, подобрал плотно свернутую овчину, перекинул назад поверх мешка. Так и нести легче, и затылок от ударов неожиданных убережет. – Все, Урсула, отдых закончен!

И, кивнув невольнице, Середин знакомым путем зашагал через скалы.

Путь, который вчера потребовал почти половину дня, в этот раз отнял не больше трех часов. Вот что значит иметь представление, куда шагаешь. Каимских стражников вблизи уходящей вниз веревки они не застали – похоже, те уносили ноги еще быстрее, нежели ведун с девушкой. Хотя им приходилось тащить на себе пленника, ради которого Раджаф и затеял весь поход.

– Слушай меня, девочка, – остановился Олег. Вот веревка. Крепко берись за нее руками, ложись на животик и начинай спускаться. Но только ни в коем случае не смотри вниз! Понятно? Ни в коем случае вниз не смотри!

– Да, господин.

Невольница глянула вперед, туда, где за пологим склоном открывался бескрайний простор – великолепный вид на огромный Каим, на все царство с его реками, городами, полями и лесами. Во всяком случае, на немалую его часть. Однако девушка никаких эмоций не проявила. Как и было приказано, она развернулась, взялась за веревку, поползла вниз. Олег выждал минут десять, развязал узел, скинул веревку с камня, вокруг которого она была обмотана, зацепил себе за пояс и пополз следом.

Этот путь прокладывал позавчера он сам, собственной персоной. Однако, забираясь на скалу, Олег видел, за что цепляться руками, куда потом можно будет поставить ногу. Теперь же приходилось действовать наугад – шарить ногой, пытаться нащупать какой-нибудь уступ, переносить на него вес, совершенно не представляя, насколько он надежен. В результате уже на первых метрах ступни дважды соскользнули, и ведун чудом удержался на руках. На третий раз от неожиданного рывка пальцы выскочили из пыльной выемки, и Олег покатился животом по скале вниз, все быстрее, быстрее и быстрее.

«Хана рубaxe», – промелькнула в голове тоскливая мысль, когда после нескольких метров скольжения не удалось ухватиться ни за какой уступ или выемку. Слева мелькнул вбитый в трещину клин с кольцом, через который была пропущена веревка, потом еще один – и только здесь сильный рывок ремня остановил его падение.

– Электрическая сила, – простонал Олег. – Неужели альпинистам все это нравится?

Болтаясь на пеньковом конце, он осторожно подобрался к основной веревке, обмотал ее вокруг руки, потом развязал узел на поясе...

– Ну где наша не пропадала... – и дернул веревку.

Где-то там, наверху, сплетенная из конопли толстая жила заструилась через кольцо, выскальзывая из него, и Олег снова поехал вниз по склону. Пять метров, десять, двадцать... Рывок!

– Ты откуда, господин? – вытаращила разноцветные глаза невольница, что оказалась на скале даже немного выше его.

– Ленивый я, – опять поморщился ведун от боли, на этот раз в плече. – Так быстрее получается. Ты давай спускайся. Я за тобой.

Девушка кивнула и продолжила перебирать руками, старательно шаря ногами по камню. Ее атласные штанишки на коленях и бедрах выглядели уже так, что впору было выбрасывать и покупать другие. Между тем до земли оставалось еще километра полтора, не менее. Ох, придется Урсуле из шаровар шортики делать!

Рабыня ушла метров на пять вниз, и Олег снова перебрался к веревке, глянул наверх. Скалы, от которых они начинали спуск, давно скрылись за изгибом склона, проложенную сотней Раджафа веревку теперь дворцовой страже было точно сверху не разглядеть. А коли так, то и мучиться ни к чему. Середин размотал веревку с руки, парным узлом связал ее с основным концом и уже без фокусов, просто перебирая руками, стал опускаться вслед за невольницей.

На узкую площадку в конце склона они спустились в сумерках. Ни стражников, ни купца с Будутой тут уже не было. Оно и понятно, у основного отряда был достаточный запас времени, чтобы сбежать вниз до расселины. Кому охота на узком козырьке над пропастью ночевать?

– Все, привал, – решил Олег, скидывая заплечную ношу. – В темноте под откос бежать – только ноги переломаем. Здесь отоспимся.

Он открыл мешок, достал рыбу, одну форелину протянул невольнице, вторую взял себе.

– Так к тебе точно никто не заходил, Урсула? Ни о чем не спрашивал?

– Нет, господин, – уже в который раз подтвердила она.

Это означало, что мудрый Аркаим по-прежнему не знал, на каком из алтарей начался обряд жертвоприношения и где его следует продолжать. Интересно, почему он столь нетороплив в своих поступках? Или он и вправду ждал, пока Олег со своей армией захватит Каим, столицу страны?

Хотя какая теперь разница? Мудрый Аркаим в плену, Урсула опять рядом с ним, и больше ей ничто не грозит. Теперь они смогут получить от Раджафа корабль, награду и уплыть отсюда так далеко, что никто и названий земель здешних знать не будет.

Закончив с рыбой, ведун вытер сальные руки о подол рубахи – неприлично, конечно, а куда денешься? Распустил узлы на скрутке, раскатал овчину, вытянулся во весь рост ногами к обрыву Урсула, выбросив обглоданные кости, пристроилась рядом:

– Как я соскучилась по тебе, господин, как давно тебя не было... – зашептала она.

Последние слова Олег услышал словно в тумане. День выдался слишком длинным и тяжелым. Ощутив под спиной мягкую овчину, в желудке сытость, а на душе покой, он и сам не заметил, как провалился в крепкий, словно удар дубовой палицы, непробудный сон.

* * *

О наступлении утра он узнал не по солнечному свету, ударившему по глазам, а по нежным прикосновениям горячих губ к векам, носу, подбородку, груди. Шаловливые пальчики забрались под подол рубахи, скользнули холодком по животу, губы опустились на шею, коснулись ключиц. Не открывая глаз, Олег приподнял руки и ощутил ладонями горячую бархатистую кожу.

– Урсула...

Она тихо хихикнула, потянула ведуна к себе, отрывая от овчины, попыталась стянуть с него рубаху. Получалось у рабыни плохо, пришлось ей помочь и стянуть одежду самому. Олег наконец-то открыл глаза, увидел прямо перед лицом розовые соски на сахарно-белой коже, потянулся к ним губами. Девушка застонала, прижала его голову сильнее, удерживала так несколько мгновений, а потом безвольно свалилась рядом. Середина тут же перевернулся, завис над ней сверху, глядя в ставшее почти незнакомым лицо. Куда делись выпирающие скулы, острый нос, пульсирующие на висках вены? Вместо них появились забавные ямочки на щеках, румянец предрассветного неба, легкая курносость.

Урсула по-своему восприняла его задержку – ведун ощутил прикосновение к своей плоти, направляющее ее во врата наслаждения, и сильным толчком выполнил желание невольницы. Девушка вскрикнула, скребнула его по бокам остренькими ноготками, изогнулась, пытаясь прижаться сразу всем телом, мелко задрожала. Олег тоже никак не мог остановиться, врываясь в нее, стремясь пробиться куда-то в недостижимую глубину, стать ею, слиться в единое целое.

Внутри стремительно нарастал огонь наслаждения – каким-то краешком сознания ведун сообразил, что сейчас будет взрыв, что все кончится, кончится до обидного быстро. Усилием воли он остановил буйство плоти, замедлил свои движения, начал останавливаться – рабыня недовольно зарычала, с неожиданной силой опрокинула на спину и оседлала уже сама. В спину под лопаткой больно впиалась гарда сабли – Олег толкнул девушку, перекатываясь дальше, но Урсула не позволила ему снова стать хозяином положения, опять столкнула, гордо выпрямилась, упираясь ладонями в грудь и играя бедрами, не давая остановиться тому сладкому взрыву, что с каждым мгновением нарастал у Середина внизу живота...

– А-а-а-а!!! – Вместо волны наслаждения он почувствовал болезненный рывок: невольница дернулась со своего места, отскочила к овчине и упала на нее, вжимаясь в скалу и мелко дрожа – но теперь уже явно не от страсти.

– Вот зар-раза! – не сдержался Олег. – В такой момент!

Он приподнялся – и вдруг сообразил, что лежит на самом краю обрыва. Слева, на расстоянии вытянутой руки, начиналась пропасть глубиной в версту с изрядным гаком. Вождеделение испарилось в ту же секунду. Молодой человек, не меняя позы, осторожно отполз в сторону и только в паре шагов от края поднялся на ноги.

– Й-я-а... В-вот... – попыталась сказать что-то девушка.

– Скорее я, – вздохнул Олег, нагибаясь за одеждой. – Последнее время боги любят со мною пошутить. Уж не знаю, к добру ли это или к беде. Ладно, давай спускаться. На земле будет спокойнее.

Пологий откос от скального козырька до расселины они миновали всего за час, большую часть преодолев на ногах и лишь изредка, когда крутизна становилась чрезмерной, придержи-

ваясь за камни. В расселине еще оставались четверо стражников, ожидавших своей очереди на спуск.

– Мудрого Аркаима не упустили? – тут же поинтересовался Олег.

– Чего с ним сделается, чужеземец? Мы его еще наверху в потники войлочные замотали – так всю дорогу вниз, как на салазках, и катился. Токмо придерживали, дабы в пропасть не улетел.

– Молодцы, – усмехнулся Середин. – Будет вам от него титул и содержание по гроб жизни.

Посмеявшись такой мысли, воины смотали вместе щиты и мешки, переправили их вниз на отдельной веревке, после чего один за другим начали спускаться на землю: – Последний спуск, – предупредил невольницу Олег. – И на этом наши горные приключения закончатся. Урсула кивнула, зачем-то отряхнула свои продранные на коленях шаровары, взялась за пеньковый конец, перевалилась через край обрыва. Середин присел на корточки, любуясь красивым видом. Не такая красота, конечно, как на покинутом утре козырьке – но тоже неплохо. Когда еще такое увидишь? Альпинизмом ведун наелся досыта и испытывать подобное удовольствие еще раз не собирался. Хватит ему неприятностей и с нежитью земной, чтобы над пропастями на одной ниточке болтаться.

Ведун наклонился над обрывом, убедился, что, кроме невольницы, на веревке больше никого нет, крепко сжал шершавую пеньку и заскользил вниз.

Лагерь на камнях под скалой выглядел весьма аскетично: никаких костров, никаких палаток. Лишь составленные попарно щиты да развернутые подстилки, на половине из которых лежали люди с кровавыми тряпками на руках, ногах, а кое-кто – и с перемотанной через плечо грудью. На двух потниках лица раненых были закрыты. Любовод и Будута сидели бок о бок, неторопливо подбедая порезанное на тонкие ломти копченое мясо, рядом покоился туго перемотанный тук, в котором Олег угадал законного правителя Кайма.

– Сотник! – окликнул Вения ведун. Воин внял совету Середина, умылся и теперь выглядел вполне бодрым и совершенно здоровым. – Сотник, почто мудрого Аркаима в таком виде держите? Горы позади. Развязали бы, пусть своими ногами топает. Чай, не изюм, чтобы в баулах возить. Младенцев – и тех хоть раз в день распеленывать надобно.

– Нечто не ведаешь, что колдун это сильный? – вскинул брови Вений. – Нет, чужеземец, коли он ни рукой, ни ногой шелохнуть не может, так оно и спокойнее. У нас стражников десять здоровых есть, как-нибудь донесем.

– А это что? – кивнул в сторону мертвых Олег. – Разбились?

– От ран умерли други, – вздохнул сотник. – Им покой был надобен, роздых на несколько дней. А им по веревкам да камням ползти пришлось. Раз от усилий раны открылись, два – вот и ослабли. Геций спустился, прилег на кошму, да и умер. А Йокам здесь, на скале с веревки упал. Еще трое там, наверху сорвались. То ли не удержались, то ли ослабли, али живота лишились да вниз покатались – рази теперь проведаешь?

– Да, – вздохнул Середин. – А я думал, тяжелее всего на подъеме будет. Однако же, Вений, засиживаться нельзя. Не такие горцы дураки, чтобы не догадаться, куда мы скрылись. Наверняка уже людей отрядили, чтобы скалы обойти и сюда выскочить. Места тут, конечно, непролазные. Но, коли поторопятся, еще сегодня нагнать смогут. А уж завтра – точно совершенно.

– Скоро выступим. Друзей наших павших земле предадим – и выступим.

– Где ты их тут похоронишь, сотник? Камни одни кругом!

– Я послал четверых воинов, чужеземец. Они ищут место, где земля есть. Коли до полудня не сыщут, придется в расселине камнями завалить, а как вернемся – пред великим Раджафом грех замаливать.

– Понял, – поднял глаза к небу ведун. До полудня оставалось еще часа три. – Ладно, подождем...

Середин отошел к своим товарищам, подхватил с тряпицы сразу три ломтя, сунул в рот, присел рядом:

– Ну как вы тут, нормально?

– Не томи душу мою, друже, – покачал головой купец. – Все добро наверху осталось, все до черепка гнилого! С чем домой возвертаться будем? С чем возвертаться? Уж ныне и не гадаю. Совсем гол остался. Рубаха на мне – и та с чужого плеча.

– Ничего, друже. В столицу вернемся, Аркаима Раджафу отдадим, получим награду достойную, да и тронемся потихоньку. Устал я, если честно, по здешним лесам бегать. Скоро лучше зайца местного все тропы вызубрю.

– Ой, не говори мне ничего, колдун, – зябко передернул плечами купец. – Не говори ничего.

– Как знаешь, друже, – хмыкнул Олег и ухватил еще ломоть.

– Бери, бери, боярин, – кивнул холоп. – Я наверху полную котомку набрал.

– Молодец, – скупно похвалил Будуту ведун, повернулся к поверженному правителю. Развязывать не стал, но подложил под голову скрутку из овчины, выдернул кляп изо рта: – А ты как – цел, мудрый Аркаим?

– Ты удивительно заботлив для предателя, ведун Олег, – с видимым облегчением выдохнул тот. – Я учту это, когда стану выбирать для тебя казнь.

– Может, тебе записать для памяти, мудрейший? Вдруг вспоминать только лет через сто понадобится?

– У меня хорошая память, смертный, – сообщил тот. – Не беспокойся.

– Легко сказать, коли вопрос такой важный, – усмехнулся Середин. – Ты не забудь, отдельная скидка за подушку, и еще одна за то, что кляп вытащил. Мяса дать? Глядишь, и вовсе на помилование заработаю.

– Я из твоих рук даже яда не приму, чужеземец... Кто это?

От кустов смородины, поправляя драные шаровары, приблизилась Урсула, присела возле спутников:

– Мне можно взять кусочек, господин?

– Это моя невольница, мудрый Аркаим. Та самая, которую ты хотел убить.

– Как я мог хотеть ее убить, если я ее первый раз вижу? Скажи, чужеземец, это правда, что у нее разные глаза?

– Убить, принести в жертву – какая разница?... Погоди... Как первый раз видишь?

– У нее разные глаза, чужеземец? Синий и зеленый? Как у бога Итшахра?

– Подожди... – Олег вскинул пальцы к вискам, потер кожу. – Подожди... К тебе во дворец мы ходили... Да, без нее. Кто же потащит женщину, да еще рабыню, в покои правителя? За такое оскорбление и под топор угодить недолго... В мою светелку ты тоже не приходил. Разве пристало правителю страны шляться по таким конуркам, одарять визитами простых смертных?

– Женщина!!! – не дождавшись ответа, возопил Аркаим. – Женщина, подойди ко мне, и я одарю тебя самым большим изумрудом, что есть в моей сокровищнице!

– Я? – не поняла невольница, но почему-то встала, подошла к замотанному в войлок плененному правителю и даже склонилась над ним: Ты звал меня, мудрейший?

– Да, да, да, восхитительная моя девочка! Да, это твои глаза! Это знак, это сокровище, это чудо! Это глаза бога, это глаза священного пророчества! Наконец я нашел тебя, женщина! Прекраснейшая моя! Я одену тебя в шелка и бархат, я украшу тебя золотом и самоцветами! Ты до самой смерти будешь ступать только по парчовым подушкам, которые станет подкладывать тебе под ступни сотня самых ловких слуг. Ты будешь есть только из оникса и яшмы, спать в пуховых постелях, ты станешь сидеть только на мехах, каждое твое слово будут записывать за тобой с этого дня и до самой смерти...

– ... которая наступит в ближайшие дни, – прервал влереживый поток Середин. – Тебе повезло, что он связан, девочка. Не то за твою жизнь никто не положил бы и половины беличьего уха.

Мудрый Аркаим взвыл и принялся отчаянно колотить головой по овчинной скрутке.

– Значит, великий Раджаф обманул меня, когда сказал, что ты намерен принести мою рабыню в жертву? – задумчиво произнес Олег. – Хотя нет, не обманул. Он всего лишь не мог себе представить, чтобы избранная, рождающаяся на Земле раз в сто лет, жила у тебя в доме, а ты бы не подозревал о ее присутствии. Забавно... Боги продолжают шутить. Да еще как! Получается, я примчался ее спасать, а вместо этого сам же тебе ее и показал? Да, боги ныне изрядно, изрядно позабавились. Надеюсь, теперь им захочется отдохнуть...

– Продай рабыню, чужеземец, – перестав биться в конвульсиях, вполне спокойным голосом предложил пленник. – Продай, я дам тебе за нее столько самоцветов, сколько она весит... Нет, я дам тебе столько, сколько ты сможешь унести!

Любовод застыл с полуоткрытым ртом, из которого торчал кусок мяса.

– Слушай меня, чужеземец. Я дам тебе за нее столько самоцветов, сколько вы сможете унести все, все вместе!

Купец издал какой-то сипящий звук, вынул кусок изо рта, шумно сглотнул, наклонился вперед:

– Ты это, друже... Невольница добрая больше двух самоцветов и на греческом торгу не...

– Остынь, Любовод. – Олег забрал у него мясо, надкусил с обратной стороны. – Посмотри, кто с тобой торгуется. Он муху с носа своего согнать не может, а ты на его сокровища дутые соблазняешься.

– Вы пленили мою плоть, – рассмеялся мудрый Аркаим, – но не мою сокровищницу.

– Все, все, садись, друже, – вдруг забеспокоился купец. – Урсула, и ты от полонянина отойди. Сядьте. Перекусите. Неча о полон всякий язык трепать. – И, значительно понизив голос, закончил: – Стража кругом, друже. А ну, слово лишнее услышат? Опосля перемолвимся. У меня до тебя и так разговор есть важный... Покамест молча сидите. Ни к чему нам уши лишние.

Путники замолчали, думая каждый о своем. Мудрый Аркаим тоже больше не выдохнул ни звука.

Воины Вения так и не нашли ни клочка пригодной для захоронения своих товарищей земли. Павшие стражники были отнесены шагов на сто вдоль скалы, уложены бок о бок в трещинке полуметровой глубины и заложены камнями. Говорить о «земле пухом» тут язык не поворачивался, но хотя бы от хищников, лис и грифов тела были укрыты надежно.

Быстро собравшись, небольшой отряд двинулся через кустарник, потом через новые каменные россыпи. Пленного стражники подвесили на веревочные петли и, перекинув их через плечо, несли по двое, сменяясь каждый час. На отсутствие кляпа во рту никто внимания не обратил: Аркаим благоразумно помалкивал, и уставшие люди особо к нему не приглядывались.

К вечеру путники добрались до скал. Олег, не имевший припасов, кроме сушеного мяса и сечки, подумал о том, что здесь, среди камней, можно было бы развести огонь, не боясь, что его заметят. Увы, ни одного дерева среди сухих, еще не растрескавшихся скал вырастить не смогло.

– Давай здесь устроимся, друже, – предложил Любовод, указывая на две соприкасающиеся вершины скалы, основания которых расходились на добрую сажень. – Тесновато, зато ни с одной стороны не дует. Да и теплее в тесноте. Ныне уж не лето. Будута в ногах ляжет, как верный холоп... Ты мешок развязывай, не медли. Не то куска в темноте не увидим... А невольница твоя – в головах, дабы сны нам послаще снились.

В потемках было не до красоты, поэтому извлеченный из мешка холопа мясной орех, хорошо просоленный и подкопченный, просто разрезали на четыре куса. Любовод, откусив немного от своей доли, закрутил головой и еле слышно произнес:

– Бежать нам надобно, колдун. Бежать, и немедленно. Завтра али послезавтра. Не то поздно будет.

– Как бежать, зачем? – не понял ведун. – Мы же все выполнили. Вернемся в Каим, получим от Раджафа награду, корабль, да и на Русь отправимся. Мы же все, что он желал, добыли. И брата его повязали, и осколок нашли... Ты нашел осколок?

– Да нашел, нашел, – отмахнулся купец, – не о нем речь. Едва мы вернемся, Раджаф нас убьет. Велит казнить. Всех. Ну разве что кроме холопа.

– Но он обещал...

– Да какая разница, что он обещал... – еще больше понизив голос, просипел купец. – Это же правитель! Все их обещания – что ветер морской. Пока вам по пути, он в радость, как переменился – токмо веслами махать успевай. Ох, избаловали тебя князья русские наградами да любовью своей. Им-то ты всем по нраву приходился. Как беда – золота отсыпь, ведун все сделает, а опосля уйдет тихо, не надобно ему ничего. Вот ты верить-то и привык. А Раджаф обманывает, обманывает, поганец. Я это враз почуял, когда он торговаться не стал. Видано ли дело – полста лет торговли беспошлинной! Да любой боярин от одного намека такого удавится. Я мыслил, хотя бы до пяти лет доторговаться. Коли совсем прижмет, то хоть до трех. А он со всей щедростью без счета отсыпал. А ты знаешь, когда люди самыми щедрыми бывают? Когда знают точно, что обещаний сполнять не придется. Когда вообще мощну развязывать не понадобится. С самого начала нас казнить собирается Раджаф. Но пока нужда в головах и руках наших имеется, терпит. Али забыл, для чего ему путники, в пророчестве помянутые, нужны? На плаху в тот же миг уложить!

– Этого не может быть... – не поверил ведун. – Он же клялся... Как можно дать слово – и обмануть?

– Легко. Коли ты князь, хан али каган – то легко. Про спасение страны помянешь, про нужды народа своего, коего тысячи тысяч, – да и нарушишь. Нечто, мыслишь, оставит он в живых девицу, кровь которой способна с трона его сбросить и страну с ног на голову перевернуть? Нечто оставит он жить того, кто знает, где и как делать это надобно?

– Подожди, Любовод, – забыл о еде Середин. – Зачем ему мы? Ведь мы привезем ему Аркаима! Раджафу больше не нужно будет его бояться.

– Подумай сам, друже, кого он предпочтет повесить. Чужеземцев без роду и племени, забредших на его земли, – али собственного брата родного, пусть даже с ним и случилась сильная размолвка? Опять же, колдун, коли нас казнить, зубы у мудрого Аркаима выдернуты будут начисто. Ничего он сотворить не сможет без алтаря тайного, без девицы с глазами разными да без осколка седьмого. А коли Аркаима жизни лишить – зубы-то останутся. И опасные, как и прежде. Ты, ты, колдун, разбудил их бога мертвых, не Аркаим. Стало быть, и все остальное ты сотворить способен. Кто же тебя отпустит, друже? Не безумен великий Раджаф глупость подобную сделать. Ты даже в порубе опасен будешь, ибо убечь способен. Нет, колдун. Раджаф каждого из нас на мелкие кусочки порубить прикажет, в разные концы страны эти кусочки отправит, да еще там, на местах, сжечь велит и пепел развеять, дабы уж точно никаких следов не осталось.

– Вот проклятие... – Чем дольше думал Середин над словами друга, тем яснее понимал, что тот прав, прав от начала и до конца. – Что же ты тогда в поход супротив Аркаима пойти согласился? Почто на гору за мною лез – да молчал.

– Ты, никак, забыл, колдун, что товар наш в кладовой во дворце Аркаимовом лежал? Да и сейчас лежит. За ним, за добром своим, и пошел. Опять же, из столицы, из заточения никто бы

нас так просто не отпустил. Убечь оттуда и думать глупо. А вот из отряда в походе отлучиться – это уж любой сможет. Особенно на обратном пути, когда стражей осталось всего-то ничего.

– Их все равно шестеро больше, чем нас, Любовод, – покачал головой Олег. – Не упрямимся. Тихонько убежать тоже не получится. Нас слишком много, чтобы разом скрыться. Вений заметит. И уйти не даст. Понимает ведь, что великий Раджаф с ним за подобный промах сотворит. Тут никаким Аркаимом не откупишься.

– Да вижу я, вижу, – еще тише зашептал купец. – О том и речь веду. До леса день пути остался. Там, за деревьями... Да коли в темноте... Да неожиданно... Да коли Вений за нами следить не станет... Сами стражники внимания не обратят. Ты на них посмотри, они тожко об отдыхе думают, каждую версту, что до реки осталось, считают. И с нами за все время хлопот ни разу не случилось. А как ты сотню на гору смог поднять, то и вовсе зауважали, совсем своим считают. Нет, друже, без команды сотника нас никто не хватится. Пойдут вперед и не оглянутся...

– Ты, Любовод, слишком долго кругами вокруг мысли своей ходишь, – наконец не выдержал Олег. – Прямо скажи, чего задумал?

Купец наклонился к нему и зашептал самое главное на ухо.

В редкий сосновый лес отряд вошел уже к вечеру следующего дня. Могучие стволы вцеплялись похожими на паучьи лапы корнями в трещины скального грунта, что изредка перемежался травяными полянками либо могучими валунами, на которых места для жизни еще не нашлось. Как раз возле одного такого камня размером с двухэтажный дом и остановились люди на новый ночлег. Здесь хвороста для разведения огня уже хватало – но стражники слишком вымотались, чтобы тратить драгоценные силы на организацию костра. Тем более что еды у них пока хватало, варить ничего не требовалось.

Наскоро перекусив, Олег первым завернулся в овчину, позволив невольнице прижаться к боку. Как обычно в таких случаях, сон не шел. В голову лезли мысли о подлости великого Раджафа, лицо щекотали волосы девушки, со всех сторон доносилось необычайно громкое в ночи потрескивание деревьев, переключка ночных птиц, голоса выставленных в дозор стражников.

Ведун только-только начал погружаться в дрему, когда его плеча коснулся купец:

– Пора, друже. Самая ночь, все спят до единого. Тожко стражник один за валуном бродит. А луна, луна из-за туч выбралась. Яркая, что свеча восковая.

Середин недовольно поморщился, перебрался через рабыню, подцепил оружие, опоясался. Сладко зевнув, он поднял лицо к черному, как траурное платье, небу, усыпанному бесконечными блестками, среди которых белым матовым прожектором красовалась луна. Что же, неплохо. Не нужно заговор на кошачий глаз творить.

– Где он?

– Там, дальше... Рядом с Аркаимом лежит, – шепотом ответил купец.

– Угу.

Тюк с пленником, выделяющийся среди спящих людей неестественной формой, лежал шагах в десяти, между двумя крупными воинами. Олег, стараясь не наступить на отдыхающих воинов, приблизился, наклонился над Вением:

– Сотник, вставай...

– Му? – сонно приподнял голову воин.

– Вставай, сотник, разговор есть.

– Какой разговор, чужеземец? Ночь вокруг. Тожко нежити в такое время неймется.

– Ей самой, сотник. Давай отойдем, разговор есть. Срочный, важный. Идем.

– Чужеземец... – словно упрекнул Олега стражник, но поднялся, подхватил меч. – Здесь отчего не скажешь?

– Шуметь не хочу. Спят же все.

Вений встряхнулся, словно выбравшаяся из реки собака, помахал рукой дозорному и двинулся вслед за Олегом. Ведун торопливо обогнул валун, пригнулся, проскальзывая под ветвями усыпанной ягодами рябины, зашел за другой камень, отгораживаясь от лагеря еще одной преградой, и направился между соснами.

– Стой, чужеземец! – не выдержал сотник. – Куда идешь? К латам диким завести собрался? Давай, сказывай, чего хотел?

– Ну как знаешь, – обернулся Середин, отер правую ладонь о рубаху и вытянул саблю.

– Э-э... Ты это чего, чужеземец? – растерялся стражник.

– Не хотел зарезать тебя сонного, сотник, – пожал плечами Олег. – Предпочитаю честный поединок. Защищайся.

– Ты чего, чужеземец... обезумел? – попятился Вений.

– У тебя плохо с памятью, сотник. Али забыл, как вешал меня, как по твоей милости я дважды в петле под балкой дрыгался? Пришла пора платить. Защищайся.

– Но это был приказ великого Раджафа!

– Моей шее плевать, кто отдавал преступные приказы. Главное, что исполняли его твои руки. Впрочем, дойдет очередь и до Раджафа. А теперь – защищайся.

– Мы же... Мы же оба Кайму служим, чужеземец! Вместе Аркайма брали, вместе тяготы похода несли.

– Мы оба воины, Вений. Мы оба выбрали своим делом ратную работу, мы жили и учились ради сражений. Мы должны радоваться каждой возможности подраться! Чего же ты медлишь? У нас есть хороший повод для поединка. Так вынимай меч и дерись. А если трусишь, так и скажи. Закрой глаза, и я убью тебя быстро и не больно.

– Да будь ты проклят, юродивый! Мы одержали победу! Нас ждет слава и награды!

– А если я не хочу, чтобы награды, добытые моими потом и кровью, достались такому уроду, как ты? Палачу, подонку, отребью рода человеческого... – Олег вытянул саблю, пощекотал ее кончиком кадык каимца. – Ты сдохнешь здесь, ублюдок, ты останешься валяться без погребения. Дикие лисицы сожрут твою плоть, крысы поселятся в твоей голове, а черви...

Терпение сотника лопнуло – он выдернул меч, отбросил ножны, отступил на шаг и пригнулся, взявшись за рукоять двумя руками. Олег испытал легкое разочарование. Он, как честный человек, рассчитывал провести равный поединок. А тут такое... Неужели сотнику непонятно, что воин, удерживающий меч двумя руками, – это гарантированный труп?

Однако Вений так не думал – грозно взревев, он занес меч над головой, ринулся вперед и обрушил его на Середин. Ведун повернул саблю рукоятью вверх, чуть приподнял – меч скользнул по изогнутому клинку вниз и в сторону, а Олег тут же вскинул саблю навстречу, и острое лезвие уперлось сотнику в горло. Каимец замер, скосив глаза вниз.

– Ты думаешь, я с тобой шутки играю? – поинтересовался Середин. – Дерись в полную силу. Еще раз подставишься – зарежу.

Он отступил, опустил оружие, повернувшись правым боком к противнику, а левую ногу оставил назад, нащупывая ступней опору. Подняв меч, Вений попытался шагнуть ближе – но Олег вскинул саблю, едва не царапнув его по животу, и сотник отпрыгнул, впервые в жизни узнав, что в боковой позиции боец дотягивается клинком почти на полметра дальше, нежели при прямой стойке.

– А-а! – взмахнув мечом, сотник ринулся вперед, пытаясь нанести со всего замаха могучий удар на уровне пояса.

От такого выпада не пригнешься, да и парировать легкой саблей его нелегко. Но ведун вместо того, чтобы отскочить, оттолкнулся, сделал стремительный шаг вперед, заходя за линию удара, и его клинок, тонко пропев в воздухе, опять уперся в горло противника.

– Опять напрашиваешься, – покачал головой Середин, почесал лезвием горло сотника, опять отступил. – Ладно, последняя попытка. Давай, нападай.

– Сам попробуй...

– Как скажешь...

Олег подбросил клинок в верхнюю позицию, начал атаку сверху слева. Сотник попытался парировать секущий удар, метнул меч вверх и в сторону. Звякнула, сталкиваясь, сталь – ведун упал на колено, поддержал саблю к себе и резко толкнул ее вперед, под вскинутые руки, в левую часть груди. Переместить свой вдвое более тяжелый меч так же быстро каимец не успел – клинок вошел ему меж ребер почти на две ладони, и Середин отступил вправо, утягивая оружие за собой. Меч упал уже через пустое пространство, а на большее жизни сотника не хватило. Он опустил на колени, пытаясь опереться на щит, потом упал лицом вниз – ведун еле успел подставить ногу ему под переносицу.

Поединок окончился. Олег перевернул сотника на спину, осмотрел рану. Именно то, что нужно – крохотный разрез на уровне сердца, небольшое темное пятно. Коли не приглядываться, то и не заметишь. После похода одежда грязная у всех – пятном больше, пятном меньше. Главное – голова на месте. Ни широкого разреза поперек горла, ни вспоротого живота.

– А все же для сотника ты мог бы драться и получше, – похлопал мертвеца по плечу ведун, выпрямился во весь рост и простер над ним руку: – Аттара храш коми, тхара, тзара, Тхор! Ананубис, кхор, тра Кнор, Кнор, Кнор-Кронос! Атахи! Вставай, ты мне нужен.

Каимец вздрогнул, заскреб пальцами землю, потом подобрал руки под себя, оттолкнулся ими от земли, поднялся на колени и на некоторое время замер, покачиваясь. Затем опять упал вперед, но успел подставить руки, подтянул одну ногу, другую. Выпрямился полностью.

– Подбери меч, верни в ножны, – облегченно вздохнув, приказал Середин. – Иди за мной.

В лагере царили покой и безмятежность. Всего пара звонких ударов не разбудили никого из стражников, а если у караульного и появились дурные мысли, то он наверняка успокоился, увидев, как сотник возвращается назад вместе с чужеземцем.

– Стой здесь, – тихо приказал зомби Олег и громко закричал: – Все вставайте! Вставайте! Уходим! Уходим быстро, нас догоняют! Шевелитесь же! Быстро! Тревога, черные смолевники рядом! Скорее!

Разбуженные воины, услышав тревожные вести, вскакивали, поспешно скручивали потники, закидывали за плечи мешки.

– Скорее! Сюда скорее! Уходим! За мной пошли! Бегом, бегом... – не давая опомниться сонным стражникам, понукал их Олег. – Все уходим! Не отставать!

Ведун наклонился к уху невозмутимо стоящего сотника, приказал:

– Ступай в Каим, в столицу Кайма, к великому Раджафу. Иди!

Вений повернулся и широким размеренным шагом двинулся через лес, уверенно переступая крупные камни.

– Вперед, вперед, не отставайте! – подгоняя воинов, двинулся за ним Олег, поминутно оборачиваясь и покрикивая: – Скорее, скорее! Черная сотня рядом!

Стражники торопливо нагоняли своего сотника и чужеземца, что помог им победить мудрого Аркаима, а теперь спас от возможной опасности, вытягивались за ним в длинную цепочку. Олег прошел так версты две, потом отступил в сторону, оглядывая людей и подбадривая их:

– Давайте, молодцы, немного осталось. Бодрее! Лучше быть вечером дома, чем утром в могиле. Погони не слышно – значит, успели, ушли. Давайте, держитесь. Еще чуток, и мы у реки...

Пропустив мимо себя всю колонну, Олег пристроился сзади, прошел еще с полверсты, время от времени зевая и кашляя, потом еще столько же, но уже молча. А затем, увидев толстую сосну, отступил в сторону и прижался к ней, прислушиваясь к удаляющимся шагам.

Тихо все... Никто ничего не заметил, никто тревоги не поднял. Поднятым среди ночи и шагающим через ночь людям не до того, чтобы головой крутить или оглядываться. Шагай и шагай, хлопая глазами и мечтая о близком отдыхе.

Интересно, когда они заметят обман? Может, когда зомби, не знающий усталости, уйдет вперед, а они отстанут? Или когда мертвец, дойдя до реки, просто влезет в воду, не думая о лодках и переправах? Или когда парочка, несущая пленника, начнет возмущаться, так и не дождавшись команды на пересмену? В любом случае, до рассвета не разберутся. А там возвращайся, не возвращайся – будет поздно. Ищи ветра в поле!

Он повернул назад, ускорил шаг и через полчаса снова оказался на месте брошенной стоянки. Медленно прошелся по прогалине, глядя по сторонам – его спутники должны были собраться, отойти в сторону и ждать возле лагеря. Ноги наступили на щит – их валялось на камнях даже два. Один, видимо, сотника – мертвецу и в голову не пришло подбирать свои вещи, – другой забыл кто-то из воинов. Олег окинул щиты оценивающим взглядом, выбрал тот, что поцелее, повесил на плечо. Поискал свой заплечный мешок и овчину. Их не было – видать, спутники забрали с собой.

– Любовод, ты где? – негромко позвал Середин. – Отзовись, не вижу, куда вы спрятались. Я один, стражники утопали.

Под деревьями за валуном поднялись три фигуры – в лунном свете ведун без труда узнал Будуту, купца и невольницу, повернул к ним. Любовод помахал рукой, развернулся и быстрым шагом пошел вдоль горной гряды. Холоп с Урсулой затрусили следом.

– Вот архаровцы, хоть бы подождали... – Повышать голос Олег все-таки не рискнул, не желая привлекать внимание возможных недругов. – Им хорошо, они тут почти час кверху пузом валялись. А я со стражниками уже поллеса истоптал.

Ведун попытался нагнать товарищей – но те шли так же быстро, как и он, едва не переходя на бег. Через четверть часа Середин выдохся и прекратил эту глупую гонку, сбавив шаг:

– Да подождите же, электрическая сила!

Из троицы никто на его голос не оглянулся, однако пошли они заметно медленнее. Прощагав с версту, ведун немного пришел в себя, опять двинулся быстрее – ускорили шаг и его спутники.

– Эй, Любовод! Будута! Меня обождите! Спутники не оглянулись, словно сговорившись демонстрировать ему свое пренебрежение.

– Урсула, сюда иди! – уже в голос приказал Олег. Но даже рабыня не соизволила оглянуться... Что было весьма и весьма странно.

Ведун резко остановился – трое людей тоже замерли. Он сделал пару шагов – они тоже пошли. Он повернул влево – они развернулись, приветственно замахали руками. Но стоило направиться в их сторону – все дружно устремились куда-то на север.

– Проклятие! – зло сплюнул Олег. Он уселся на ближний камень, обхватил голову руками.

В отряде, возвращавшемся в Каим, поставить морок, да еще такой качественный, могли только двое. Он сам – и законный правитель, изгнанный братом с отцовского трона, верный поклонник повелителя мира мертвых, зеленого бога Итшахра, хозяин горного дворца, мудрый Аркаим. А коли так, было понятно, чей щит остался валяться в лагере: пока Олег разбирался с сотником, Любовод освободил Аркаима и вместо него замотал в тюк кого-то из стражников. Мудрый Аркаим, пусть и оставшийся стараниями ведуна без магического кристалла, обладал достаточной силой и знанием, чтобы заморочить головы двум десяткам усталых людей. Они подмены не заметили, пошли, как крысы за дудочником, вслед за ведуном, а четверо предателей – в другую сторону. Для Олега же они оставили морок – чтобы ведун не распознал обман слишком рано и не пошел по их следу.

– Хотя какой след на камнях? Перестраховались просто... – Середин раздраженно сплюнул. – Ну Любовод, ну друг. Сын русалки. Похоже, предложение взять столько самоцветов, сколько он сможет унести, оказалось слишком тяжким для купеческого нутра. Продал. И меня продал, и Урсулу. Вот уж от кого не ожидал, так не ожидал. Хотя, конечно, и самоцветы не каждый день пудами отмеряют.

Утреннее солнце высветило сахарную вершину горы, граница света и тени быстро покапала по скалам вниз. Олег повернул голову к мороку. На свету трое его спутников стали полупрозрачными, затем дымчато-белесыми, а под прямыми лучами и вовсе испарились, так и не перестав приветственно помахивать руками.

– Да, – вздохнул ведун. – Сколько раз я говорил, что щит да сабля – вот и все мои друзья! С ними и остался. Ну Любовод, ну ловкач... Где же тебя теперь искать?

Вопрос... Как найти человека в незнакомой местности, в стране, о которой пока еще мало что знаешь? Особенно если ему помогает неплохой местный колдун?

– Хотя чего это я? – передернул плечами Середин. – Если с ними Аркаим, куда они пойдут? Конечно, во дворец! Тем более что морок заманивает меня в противоположную сторону. Ладно, форы у вас всего часа четыре, а идти до входа в селение не меньше двух дней. Посмотрим, кто быстрее ноги переставлять умеет...

Олег поднялся, подпернул щит, удобнее устраивая его на спине, и быстрым шагом направился в сторону трехглавой горы. Да, разумеется, всего три дня назад он зарекся заниматься альпинизмом раз и навсегда – но что поделать, коли боги решили шутить? Мудрый Аркаим вряд ли захочет пользоваться столь трудным и рискованным способом, чтобы вернуться домой. Его и через ворота с почетом впустят. А вот Олега вряд ли станут встречать медом и розами. Тем более что ополченцы наверняка уже обошли гору и рыщут где-то с этой стороны в поисках нападавших. Сунешься в обход, им навстречу – наверняка попадешься, как кур в ошип.

Разумеется, хозяин горного дворца теперь знает про путь через верх – но успеет ли он предупредить своих ополченцев о возможном визите непрошенного гостя? Они-то уверены, что враги бегут и их нужно просто настичь, а не караулить у собственных дверей. Сейчас, без кристалла на голове, способности Аркаима ослабли раз в пять, а то и в десять. А фора всего в четыре часа – не так уж и велика, если на обход понадобится минимум лишний день.

Конечно, мудрый Аркаим позаботится об охране, запасется стражей и телохранителями... Но это еще не означает, что ему удастся уклониться от разговора по душам. Хотя нет – какой спрос с человека, всего лишь спасавшего свою шкуру? Побег – это маленькая и, пожалуй, честная победа. А вот Любовод... С ним разговор будет особый. Охраны купцу достанется меньше – коли она вообще будет. Зато вопросов получится больше...

При желании преимущество можно найти во всем – даже в полном отсутствии еды. Без припасов Олегу не нужно было останавливаться на перекус, да и вечером встать на ночлег он не торопился. Потому и до знакомой скальной стены добрался всего за день. Даже быстрее – потому что до заката успел подняться до первой расселины и мерз до утра уже там. Что поделаешь, осень входит в свои права, на ночь уступая их дедушке Морозу. Еще не набравшему полную силу – но уже достаточно неприятному.

Новый день дал ему достаточно времени, чтобы забраться на узкий козырек, а оттуда – наверх, до самых скал. Теперь Олегу не требовалось вколачивать клинья в трещины на скалах, таскать веревки, искать опору, вязать узлы. Просто хватайся за веревку да лезь. Правда, последние метры пятьдесят опять пришлось ползти на брюхе с риском сорваться вниз – но ведь не километр же! Пройдя между скалами, он быстро добрался до ущелья с дворцами, однако, хотя день был еще в разгаре, спускаться не стал. Быстрый подъем отнял слишком много сил, и к тому же Середин элементарно хотел спать. Поэтому, собрав раскиданные скрутки с потниками, подстилками и кошмами, оставшимися после погибших воинов, ведун соорудил себе

мягкое, теплое гнездо, забрался в него – и даже пустой желудок не помешал ему мгновенно провалиться в объятия Морфея.

На рассвете ведун подобрал два мешка, также потерявших своих хозяев, намотал на ладони, выпустил вперед веревку, с помощью которой вытаскивал Урсулу, схватился на нее и заскользил вниз.

В ущелье уже были убраны все следы недавней сечи – ни крови, ни трупов, ни оружия. Разве только зарубки на стволах деревьев в саду да вырванная местами до камня трава напоминали, что совсем недавно тут творилось что-то неладное. Молодцы каимцы, неплохо потрудились.

Олег перебросил щит из-за спины в руку, обогнул слева яшмовый дворец, шагнул в знакомую сандаловую дверь.

– Ау-у, хозяин! Ты здесь? Встречай гостя! – громко позвал ведун и уже тише добавил: – Упаси тебя боги сказать, что Урсулы больше нет...

В сумеречном зале царила тишина – только порывы ветра залетали в зал, тихонько посвистывая в вычурных подсвечниках. Похоже, фора мудрому Аркаршу не помогла: Середин успел попасть наверх первым.

– Стой! Стой, кто таков!

Олег улыбнулся, удовлетворенно кивнул и вышел из дворца. Через сад к нему бежали трое парней лет двадцати с только-только пробивающимися усиками. Прекрасная Мара – это же дети! Кто дал им в руки мечи? Неужели он сам был таким всего лет пять назад?

– Стой! – запыхавшись, остановились в трех шагах мальчишки. Щиты повисли на вытянутых руках, ничего не прикрывая, шапки с бронзовыми пластинами наверху не завязаны, мечи болтаются спереди, мешая нормальной ходьбе. – Стой! Кто таков? Отдай оружие!

– Я ищу правителя, служивые, – как мог дружелюбнее улыбнулся Олег. – Он мне очень нужен. Где сейчас мудрый Аркаим? У него были гости. Коли хозяина нет, я согласен встретиться с ними.

– Дай сюда свой меч! – звонким голосом потребовал паренек, что стоял в центре. Он был на голову выше двух других и, наверное, мнил себя главным.

– Послушайте меня, смертные, – тихо попросил Олег. – Я воин, ратник. А вы все вчера только от мотыги. И вас всего трое против меня одного. Ответьте мне, и я вас не трону. Против вас у меня на душе зла нет.

– Меч сюда немедленно! – взялся за рукоять своего оружия главный мальчишка. – Не то мы тебя враз в поруб посадим.

– Послушайте, друзья мои, – еще более дружелюбно попросил ведун. – Давайте не станем ссориться. Вы просто...

– Вяжи его! – Высокий паренек выхватил из ножен меч и вскинул над головой, словно намеревался кинуть в атаку полновесные легионы. Видать, мечтал об этом красочном моменте еще с того часа, как первый раз увидел закованного в чешуйчатую броню черного смолевника. И смотрел в этот торжественный миг он не на врага, а на свою руку со сверкающим клинком.

– Зря вы... – Олег рванул саблю из ножен вверх, но не над головой, а лезвием вперед. Закаленный клинок чиркнул по краю опущенного щита, вспорол рубаху на груди красавчика и глубоко врубился сквозь обе челюсти в череп врага. Паренек, так и не опуская руку, повалился назад, а ведун уже рубил левого противника. Тот успел вскинуть щит, тем самым закрывая себе обзор – Середин упал на колено, резко двинул вперед своим, краем деревянного овала врезаюсь в открытую голень, тут же вскочил, повернулся к последнему, третьему мальчишке.

– А-а-а!!! – Тот вскинул над собой меч, подбежал, попытался рубануть гостя прямо по голове.

Олег гардой сабли толкнул щит врага, поворачивая его и лишая паренька возможности удара, а свой вскинул вверх, но не плашмя, а ребром, метясь чуть ниже кулака слишком высоко

поднятой руки. Послышался легкий хруст – перелом запястья; мальчишка взвыл от боли. Ведун уже без опаски нажал на верхний край его щита и прямым в челюсть опрокинул на траву, наступил ногой на грудь, кончик клинка упер вояке в горло:

– Ну что, продолжим схватку? Или лучше побеседуем?

– Больно...

– На войне это бывает. Вы ведь в войну решили поиграть? Ну так привыкайте... Так что, друг мой, мудрый Аркаим здесь?

– Его... Его похитили...

– Кто?

– Неведомо... Мужики наши в погоню кинулись. За горой, сказывали, чужаки спустились.

– А вас, стало быть, в охране оставили? Вас только трое?

– Больше... Еще на стене дежурят... После ночи многие отдыхают...

– Многие? – усмехнулся Олег. – Дай угадаю... Многие – это человек пять? И все, небось, такие же пацаны, от которых в стычке пользы никакой, али старики немощные. Так?

Паренек промолчал, сберег тайну.

– Значит, не вернулся еще Аркаим... – задумчиво повторил Олег, возвращая саблю в ножны. – Ладно, подождем. Только не здесь. А то вы ведь меня сонного повяжете, по глазам вижу. Ничего, придумаю что-нибудь.

Он отпустил мальчишку, присел возле первого паренька, пощупал пульс:

– Стучит... Теперь месяц только кашку жидкую через трубочку кушать будет. Может, хоть после этого копать грядки ему понравится больше, нежели махать мечом.

Третий из ребят его особо не беспокоил – перелом закрытый, срастется за две недели без всяких осложнений.

– Кра-а...

Олег вздрогнул от неожиданного возгласа над головой, поднялся. Пепельно-серый орел с матерчатой сумкой на груди сидел на крыше яшмового дворца и, с какой-то легкой насмешливостью склонив голову, разглядывал ведуна, время от времени перетаптывая лапами.

– Что смотришь? – скривился Олег. – Видишь меня, мудрый Аркаим? Так вот знай: никуда ты от меня не спрячешься. И если ты хоть пальцем тронешь мою рабыню, тебя не спасут никакие боги. Понял?

– Кра-а... – Кумай упал вперед. В последний миг расправив крылья, он бесшумно скользнул у ведуна над самой головой, развернулся и, так и не сделав ни единого взмаха, исчез за дворцом.

– Лети, лети, – кивнул ему вслед Олег. – Все хозяину расскажи. А я тут пока погуляю, с делами насущными разберусь.

Середин бодрым шагом дошел до большого дворца. За правой дверцей, уже возвращенной на петли, отыскал дверь в кухню, заглянул внутрь и вежливо улыбнулся:

– Давайте, смертные, соберите мне припас в дорогу дней на пять. И сейчас поесть чего-нибудь быстро организуйте, а то я голоден. Давайте быстрее, я тороплюсь.

Он отступил, прошел по пустым коридорам, вернулся к двери, поднялся на второй этаж и там почти сразу поймал за ворот какую-то служанку:

– Эй, милая! Пообносился я чего-то за эти дни. Принеси мне новой одежды, сапоги. И какую-нибудь теплую накидку, а то уже холодно. Мудрый Аркаим разрешил. Только быстро: одна нога там, другая на кухне, я буду там ждать. – Олег отпустил женщину и добавил: – Только не злите меня! Не то вырежу всех к лешему от первого этажа и до крыши. У меня сегодня настроение плохое. А Аркаим ваш меня потом простит. Он добрый...

Тетка кивнула, потрусила к внешней стене. Ведун же, как и обещал, спустился в кухню. Здесь его уже ждала большая ношва с густым и горячим темно-красным варевом, от которого

за три шага несло жгучим перцем. Олег ощутил, как рот наполнился слюной, и поскорее присел к столу, доставая из замшевого чехла увесистую серебряную ложку.

К тому моменту, когда в миске показалось дно, дверь приоткрылась, в нее заглянул седобородый горбатый мужичок, посмотрел на Олега, задумчиво почесал нос и отстранился. Трудно сказать, что разглядел он в незваном госте. Может, человека, который в почете и уважении прожил во дворце почти полный месяц. Может, лихого рубаку, что несколько дней назад рубился здесь со смолевниками и разгонял слуг по этажам. А может, просто злого вооруженного типа, с которым в отсутствие приличной охраны лучше не ссориться. Во всяком случае, сразу после его кивка на кухню зашла служанка, положила стопку одежды, сверху кинула войлочные сапоги с пришитыми на подошву толстыми кусками кожи.

– Мешок собрали? – стягивая с себя одежду, поинтересовался Олег.

На стол рядом с пустой ношвой опустился плотно набитый мешок с полпуда весом.

– Молодцы. При случае замолвлю Аркаиму за вас словечко.

Ему никто не ответил. Наверное, не поверили.

Бросив грязное, истрепанное о камни тряпье на пол, Олег переоделся в чистую, свежую одежду, пахнущую хвоей и ландышами. Разумеется, ради такого случая не мешало бы и умыться, ванну принять – но требовать такое было бы уже полной наглостью. Сапоги пришлось по ноге впору, облегая, может быть, слишком туго – но ведь это войлок, разносится. Накидка была шерстяной, да еще и подбитой изнутри каракулем. В общем, хоть в снегу в ней ночуй – не замерзнешь. Для рук по бокам имелись две прорези, а застегивалась она на груди двумя аграфами с крупными рубинами – на горле и на уровне солнечного сплетения. Но без ворота. А может, ключник здешний дорогой воротник спрятал, пожалел для бродяги хозяйского добра.

– Ну, спасибо этому дому... – Накидку Олег повесил на левое плечо, застегнув верхний аграф над правой ключицей. Мешок забросил на правое – его скидывать быстрее, коли рубиться придется. Поверх мешка за ременную петлю повесил и щит. Тяжело, конечно, но без него никак. – Прощаться не стану. А то как бы боги опять пошутить не захотели. Удачи вам во всем.

Он вышел во двор, раскрыл внутренние ворота, наружные и ступил на карниз.

Несколько дней, проведенные на горных склонах, притупили страх высоты, и по узкой тропе Олег шел спокойно, прямо посередине, поглядывая то на поселок внизу, то на дорогу у наружной стены селения. Очень ему хотелось, чтобы вдруг появились из ворот Аркаим и Любовод с прочими спутниками да стали подниматься навстречу, не подозревая об опасности. Интересно, каково бы было правителю покружиться в своем боевом танце здесь, над пропастью, на тропке в полтора метра шириной?

Увы, законный правитель Кайма и прочие беглецы так и не появились. Олег спустился в долину, прошел до ворот и, не вызвав никакого любопытства у трех скучающих привратников, вышел наружу. Спокойный, опрятно и богато одетый, идет из дворца в одежде, которой мудрый Аркаим иногда одаривает приближенных. Чего тут может быть странного?

Слишком близко от селения ведун останавливаться не рискнул. Он прошел по тракту около версты, и лишь когда лес вплотную подступил к дороге, свернул к зарослям орешника, густо покрывающим пологий взгорок. Это было идеальное место: сухо, хороший обзор, и в то же время с дороги ничего под ветвями не разглядеть. Теперь оставалось только ждать.

Ищейка

Забеспокоился Олег на третий день. То есть и в первые два дня ожидания под кустами он удивлялся, что ушедшие вперед спутники так долго не могут добраться до дома. Но на третий день пополудни на обычно почти пустынном тракте показались десятки вооруженных мужиков, медленным шагом едущие к городу. Именно мужики, а не воины – у кого копья у стремени, у кого сулицы, кто с саадаком на крупе, кто вовсе без ничего, кто с мечом, кто с топором, а кто и с косой, ровно смерть бородастая. Доспехов не имелось ни на ком, но шапки у многих людей были прикрыты сверху бронзовыми или железными пластинками, а науши вырезаны из толстой сыромятной кожи. В общем, ополчение. Причем, как посчитал ведун – больше шести десятков. Учитывая обстоятельства, отряд довольно крупный – не меньше половины мужчин, что в селении такого размера могут проживать. Едва не поголовный призыв.

Ни какой-либо добычи, ни пленных ополченцы не везли. Олега это не удивило: скрылись от погони стражники, он же сам и гнал их ради этого нещадно.

Но вот почему вместе с отрядом не возвращался мудрый Аркаим? Неужели не встретили мужики правителя, что навстречу им идти был должен? Неужели сам правитель на них не вышел? Где же он тогда вообще? Куда провалился? Ведь либо сам, либо с ополченцами, но давно уже обязан был до дома добраться, все сроки прошли!

– Где же тебя носит, мудрейший? Куда ты смылся?

Олег дождался, пока колонна пройдет к поселку, сорвал со свисающих до земли веток несколько орешков и перевернулся на спину, пытаясь собраться с мыслями.

Куда же мог пропасть правитель здешних отверженных земель? Может быть, невольница уже проболталась, где именно впервые познала любовную близость, и теперь мудрый Аркаим, зная, на каком из алтарей начался обряд жертвоприношения, стремится туда, чтобы завершить таинство? Нет, вряд ли... Сунуться на берег, принадлежащий его братцу, в одиночестве, без оружия, без магического камня, без атрибутов для богослужения, да даже без банальной жратвы, наконец, – слишком уж глупо. Проще вернуться, собраться и поехать на место во всеоружии.

Тогда, может, он все же вернулся к себе во дворец, но сделал это незаметно? Тоже странно. Наверх ведут только два пути: веревка и эта вот дорога. К веревке, имея в запасе лишних четыре часа, они должны были выйти первыми. И тогда они встретились бы на склоне либо наверху. Не может же правитель в собственном дворце прятаться по кладовкам, скрываясь от слуг и гостей! Нет, там Аркаима не было. По дороге он не проезжал. Тогда где?

– Да где угодно! – сам себе зло ответил Середин. – Пиво пьет в пещере, купается на пляже с подогревом, впал в спячку до весны – все что угодно быть может! Я же про него ничего не знаю. Ровным счетом ни-че-го! Просидел тут, как дурак, три дня. Теперь и вовсе никаких следов не найти...

Он кинул в рот пару орехов, расколот, выплюнул в ладонь и принялся разбирать шелуху, прикидывая, как все же можно вычислить хитрого здешнего колдуна. Понимание невозможности этого его никак не устраивало – ведь жизнь Урсулы, пока она находилась рядом с Аркаимом, висела на волоске. Ее жертвоприношение было неизбежным. Неизбежным. Вопрос лишь в том, как скоро оно сможет осуществиться.

Жалко, что он не ищейка. Судя по тому, сколько копченого мяса захватил с собой холоп, шлейф из его аромата должен висеть за Будутой не меньше месяца.

Олег замер, оценивая промелькнувшую мысль.

Да, конечно, по запаху он никого найти не сможет. Но, может быть, есть что-то, доступное и его ощущениям? Хоть у одного из беглой четверки – у холопа, у купца, у невольницы, у

правителя? Хоть что-нибудь! Запах, магнетизм, духовное влечение, кровь, приметные вещи, цвет.

– Стоп! – Олег сдул ореховую шелуху, кинул ядрышки в рот, прожевал. – Кровь! Мы все замараны кровью. А я знаю одного очень упрямого охотника, умеющего учуять кровавый след даже через всю планету. Медный страж!

Магическое порождение Раджафа, непобедимый, неуязвимый воин, самый неподкупный судья и неумолимый палач в одном лице. Путники уже дважды успели столкнуться с этим монстром. Первый раз он, утопив обе ладьи Любовода, выследил и перебил всех моряков, что замарали свои руки кровью, когда разоряли кое-какие деревушки на берегу реки. Страж преследовал преступников, хотя они заматали следы, улепетывали со всех ног, хотя Олег смог заманить его в болото и утопить там с головой! Все равно выбрался, выследил, настиг и покарал!

Второй раз медный страж погнался уже за ними – за ним самим, Любоводом, Ксандром и холопом. Погнался, можно сказать, ни за что: они в честном поединке перебили каимский дозор. Битва как битва – к тому же дозорных было вдвое больше. Разве за победы на ратном поле можно судить, как за убийство?

Но с медным стражем невозможно договариваться – монстр двинулся за ними, загнав тут неподалеку на могучий валун, а Олег, вспомнив удачный заговор, взял да и прибил его следы.

– Так теперь и торчит чудище Раджафа где-то тут, рядышком, – усмехнулся ведун. – И хочет нас всех нагнать, да не может с места сдвинуться. Уж оно-то Любовода чуёт, можно не сомневаться. И Будуту чуёт. И Ксандра, конечно, тоже... Но ведь кормчий далеко, он в Кайме, раненый лежит. Медный страж в первую очередь нападет на тех, кто будет ближе. А ближе всех... Ближе всех, выдергивая гвозди, буду я... – сделал окончательный вывод Олег. – Но ведь ищейка-то как хороша, грех не использовать. Ладно, чего-нибудь придумаю.

Середин кинул недоеденные орешки в развязанный заплечный мешок, затянул узел. Привычным движением забросил за спину котомку и щит, поднял накидку и двинулся к дороге. Она заканчивалась как раз у речной отмели, с которой путники и удирали от стража в последний раз.

Никакого общения, кроме взаимных набегов, между Каимом и землей отверженных, не признающих уговора, не имелось. Поэтому по мере приближения к реке, разделяющей оба мира, дорога становилась все менее и менее нахоженной. Вправо и влево от нее отворачивали тропинки, ведущие, наверное, к бортням, делянкам, грибным местам или уловным омуточкам. Эти тропинки словно высасывали из тракта силу, и в конце концов он превратился в такую же полузабытую, поросшую травой тропу, как и все остальные. Оно и понятно: ходить в набег по одному и тому же пути глупо – противник либо засаду организует, либо крепость поставит. А коли разными путями бродишь – то и дороги нормальной нигде пробить не получится.

Заметив в стороне от тропы высокую старую ель, Олег свернул к ней, без труда нашел длинную еловую шишку с растопыренными чешуйками, чуть дальше обломил с болезненного вида ольхи нижнюю сухую веточку. Собственно, это было почти все, что требовалось для магического ритуала. Порыв ветра принес аромат свежести – Середин не стал возвращаться на тропу, двинулся на запах и вскоре разглядел впереди между деревьями серебристые проблески воды.

Оказалось, он попал аккурат туда, куда и хотел – за рекой, вытянувшись на две сотни метров между изгибами русла, желтела истоптанная сотнями копыт песчаная отмель. Остов искалеченного судна валялся по ту сторону отмели, брошенный первым плотик – по эту. Никаких дозоров на берегу не имелось – если порубежники Раджафа и караулили врага, то где-то дальше, на лесных тропах. А может, сейчас, после разрушительного похода ведун и его мертвой армии, каимцам стало не до границ, бросили пока на самотек. Кого им бояться? Дальних соседей они успели запугать так, что и близко не подходят, а ближние... С ближними они уже столько крови напускали, что по обе стороны реки особых сил для нападения не осталось.

Впрочем, переправляться на ту сторону в планы Олега не входило. Подобрал по пути несколько валежин, он свалил дрова у кромки воды, срезал с одной из палок немного щепок, пару других распустил «елочкой». Достал из поясной сумки кресало и пучок мха, опустился на колени, несколько раз чиркнул огнивом. Когда возле упавших на сухой мох искр закурился слабый дымок, ведун наклонился, осторожно его раздул до слабого огонька, сверху положил щепки, а когда огонь перебрался на них, уже увереннее добавил «елочки», и накрыл сверху палками валежника. Пока костер разгорался, Середин отломил от осиновой веточки четыре одинаковые палочки, заточил, вогнал их в шишку под коричневые чешуйки.

– Палка, палка, огуречик, получился человечек...

Разумеется, эта фигурка мало походила на те тряпочные или восковые куклы, которые обычно применяются в магии, – но тут главное не материал, а хотя бы отдаленное внешнее сходство. Для идентификации с человеком используются другие, более важные признаки. Наводить болезни, повреждать внутренние органы, лишать зрения он себя не собирався, а для общей цели сойдет и такая сикарака. Отложив фигурку, Олег разделся догола, сложив одежду стопочкой на выпирающий из земли сосновый корень, попробовал рукой воду в реке:

– Холодная, зар-раза... Что же все так не вовремя нынче происходит? – Ведун немного поколебался, потом сбегал в лес, насобирал еще валежника, свалил его весь на разгорающийся костерок. – Ну теперь не пропаду.

Он подобрал куколку, легонько потер ею под мышками, пропитывая своим потом, выдернул из головы пару волос, намотал на фигурку в верхней ее части, кольнул кожу на запястье ножом, мазнул шишку-тельце капелькой крови:

– Тебя, человечек, плоть от плоти моей, кровь от крови моей, имя от имени моего, в мир земной отпускаю. Оставляю тебе свою голову, свою жизнь, свою судьбу. Будь покорна, не ропщи, новой доли не ищи. Нарекаю тебя отныне именем Олег, рода Сварогова, по крови Серединым. Нарекаю тебя водой, – ведун плеснул на куклу немного воды из реки, – нарекаю тебя землей, – он присыпал куклу песком, – нарекаю тебя огнем, – ведун пронес куклу над пламенем костра. – Благословляю на долгую жизнь со счастьем и радостью, с бедой и невезением, с друзьями и знакомыми, с врагами и недругами. Ступай по миру, ищи свою долю...

Середин осторожно положил куклу на воду и пустил плыть вниз по течению. Если повезет, за пару дней фигурку километров на двести унесет, и медный страж на нее уже не отреагирует.

– Ну а теперь настала очередь очищаться другому, пока еще безымянному существу...

Ведун тяжело вздохнул, шагнул в воду и, не оттягивая самого страшного момента, ухнулся в нее с головой. Высунул наружу лицо, торопливо забормотал:

– Ты, вода, текла из-за гор, по полям, лесам, лугам широким. Под небом синим, в ночи черной В тепле грелась, в холоде мерзла, черноту снимала, красоту открывала. Ты, вода, на месте стоишь, а волны гоняешь, о берег швыряешь. Забери, вода, мои обиды, разбей о высокие камни, смой в глубокий омут. Забери, вода, чужое наносное, глаз черный, слово злое, судьбину горькую, слезы неслезные, слова гневные, мысли черные. Как травы тобой омываются, так смой с меня слово темное, взгляд недобрый, кровь чужую. Пусть спадет с лица белого, с сердца тоску чего, с души горестной. Унеси, вода, грязь земную, пыль дорожную, слово злое, глаз черный, хворь и беду, боль и тоску. Унеси, вода, в речку быструю, в моря дальние, окияны глубокие. Отныне, присно и веки веков.

Уже постукивая от холода зубами, ведун выбрался на берег, передернул плечами:

– А тебя, душа невинная, тело ничейное, нарекаю отныне именем Владимир. Нарекаю тебя водой, – он плеснул себе на макушку воды, – нарекаю тебя землей, – бросил туда же песка, – нарекаю тебя огнем... – Ведун разбежался и перепрыгнул уже высоко разгоревшийся костер. – Благословляю на долгую жизнь со счастьем и радостью, с бедой и невезением, с дру-

зьями и знакомыми, с врагами и недругами. Ступай по миру, ищи свою долю... Ой, мама, как холодно!

Однако Олег все равно прыгнул в реку еще раз, сполоснул голову от песка и только после этого выпрямился перед огнем, пропитываясь его теплом.

По идее, с этого момента все колдовские, энергетические гадости, а также проклятия и наветы, направленные в его сторону, должны уплыть вслед за фигуркой, получившей его имя и его ауру. В то время как он, очистившийся от накопленной грязи и получивший новое имя, для любого магического существа становился совершенно другим человеком. Любые проклятия, направленные на некоего Олега Середина, на колдуна, поднимавшего мертвых или рубившего дозорных у излучины реки, теперь его не найдут. «Адрес» на ауре у него теперича другой.

Медный страж, выходя на охоту, своих жертв внешне не видит. Значит, идет по «энергетическому следу», по колдовскому образу, переданному с помощью магии. Если так – ведуна после обряда передачи имени на куклу и принятия нового чудище уже не признает. Для порождения магии ведун отныне изменился до неузнаваемости. Не навечно, конечно, истинное нутро свое обязательно возьмет. Как крашенная девица рано или поздно снова обретает натуральный колер, так и маг, изменивший окрас своей ауры, через несколько месяцев становится прежним. Но ведь несколько месяцев – долгий срок. За это время можно успеть очень, очень многое.

Ведун повернулся к огню спиной, чувствуя, как жар костра слизывает с кожи капельки воды, заставляет краснеть кожу, сворачивает в серую пыль волосинки на ногах. Всего несколько минут – и он уже забыл, сколь холодна в реке вода в пору осеннего листопада. Как и не купался совсем.

Он неторопливо оделся – хорошо, одежда новая, не успела прежней энергетикой пропитаться, – подобрал мешок и щит и двинулся к приметной скале над излучиной, на которую указывал песчаный мыс. Теория – это хорошо. Теперь следовало проверить ее практикой.

Тропу, по которой они бежали от стража, Олег еще не забыл. Сперва наверх, к поваленной ветром березе, где Любовод прятал свои сокровища в первый раз, потом через темную влажную низину. За ней – невысокая гряда, новая низина. Вечером он вышел аккуратно к кострищу, возле которого вместе со спутниками делал первый привал, – и здесь же остановился на отдых в этот раз, намереваясь хорошенько, на пару дней вперед выспаться.

Поставленную задачу удалось выполнить в полной мере: лег он еще засветло, а проснулся, когда солнце поднялось довольно высоко. Перекусив вяленой рыбой – все копчености кончились, пока он сидел в засаде под орешником, – ведун двинулся дальше, поминутно, чтобы не подставиться монстру по глупости, повторяя новое имя:

– Владимир, Владимир, Владимир, Влади... Так быстро?

Медный страж, как оказалось, находился от прежней стоянки всего в одной версте, чуть не сразу за каменной грядой, отделяющей эту долину от следующей. Середину почему-то казалось, что они бежали от чудовища верст двадцать, если не больше. Подобный античному изваянию, воин из черной бронзы стоял в той же позе, в которой был оставлен – голова направлена в сторону горной гряды, зажатый в правой руке меч опущен к земле, в глазах – все та же мертвенная темнота. Правда, под щекой какая-то пичуга успела свить гнездо, а между телом чудища и ближним деревом простерлась густая белесая паутина.

– Владимир, Владимир, – словно заклинание повторяя свое новое имя, ведун подошел к воину на расстояние вытянутой руки с зажатым в ней мечом. Медный страж не дрогнул. Либо действительно не узнал, либо понимал, что не дотянется. – Ох, грехи мои тяжкие... Владимир, Владимир, Владеющий миром... – И он сделал еще шаг вперед.

Страж все равно не шелохнулся.

– Ну что же, – облегченно перевел дух Середин. – Будем надеяться, что это не батарейки у него сели. Иначе окажется, что купался я совершенно зря. – Он отмерил от медного воина

шесть шагов, раскидал листья, провел рукой по земле, нащупывая шляпки гвоздей. – И зачем же я их так старательно прятал?

Утешало то, что земляное пятно, на котором остались следы монстра, было совсем небольшим, и рано или поздно гвозди, удерживающие след, должны были найтись.

– Ага, вот и первый!

Он ухватил пальцами квадратную шляпку, дернул – и успевший изрядно заржаветь гвоздь оказался в его руках. Второй должен был находиться во втором следе, примерно в метре от первого. Ведун перешел дальше, раскидал листья – и почти сразу увидел выпирающий из перегнойной шляпки:

– Ну, малыш, иди сюда.

Он рванул гвоздь из земли – и в тот же миг медный страж повернулся на месте и размеренно зашагал на север, чуть левее от горной гряды.

– Вот теперь точно обошлось, – спрятал гвозди в поясную сумку Олег. – Не узнал. Однако впереди меня ждут тяжелые деньки...

Медный страж вел себя спокойно и уверенно. Двигался размеренным шагом, глядя прямо перед собой и вертикально держа меч согнутой в локте рукой. Голова его ни разу не отклонилась от северного направления, в то время как корпус иногда поворачивался, когда приходилось огибать встреченные валуны, перебираться через лесные завалы либо скальные гряды. Лужи монстр всегда пересекал по прямой, вброд, иногда просто погружаясь в воду, иногда пробивая канал в густой тине или рыхлом торфе. Порой он уходил при этом в трясину с головой – но спустя некоторое время неизменно вырастал у противоположного берега. Ведун на подобные подвиги не решался и обходил встречные озера и топи вокруг, благо все они располагались в серединах круглых или овальных низин, окруженных скальными взгорками. В остальном поспевать за стражем, шагающим со скоростью сонного крестьянина, труда не составляло. Во всяком случае, в первый день. И в первую ночь. Никаких отдыхов бронзовое чудовище не признавало и шагало непрерывно, днем и ночью, в обед и полдник, на рассвете и на закате.

На второй день Олег начал подумывать, что отомстить предателю медный страж может и без него, а утром третьего ведун уже еле волок ноги. Однако останавливаться после столь долгого преследования было бы глупо, и, пока силы еще оставались, Середин продолжал тащиться метрах в ста за золотисто-зеленой спиной. Золотистой – из-за медного сплава, а зеленой – из-за налипшей тины.

– Вот ведь красавчик будет, когда в кладовку свою вернется! Хотя на обратном пути ему реку придется пересекать. Она отмоет.

Медный страж поднялся на очередной взгорок, с треском проломился через заросли малины – и Олег услышал невнятный истошный вопль. Меч в руках стража переместился из положения на уровне пояса вверх, явно приготовленный для удара, и Середин понял, что магическая ищейка привела его именно туда, куда нужно.

– А-а-а-а!!! Помогите! Нет, нет! Я не хочу! – Вопил, разумеется, Будута. Его звонкий голос Олег узнавал уже без труда.

– Мудрый Аркаим! Смотри! – Это уже, кажется, подал голос Любовод. Наверное, указывал на нежданного гостя.

– Алла-ха, отрой, ха, хах. Отрой!

А у правителя отверженных, судя по всему, супротив стража имелись некие тайные слова!

Олег рванул из ножен саблю и ринулся вперед, забыв про усталость. Перемахнул гребень вытянутого холма, сбежал вниз, к костру, возле которого и находились все, кого он так долго искал. Мудрый Аркаим, сменивший свой халат на скромную серую рясу, но в шапочке с крупным кристаллом горного хрусталя на лбу, стоял на пути стража, вскинув руку, и читал заклин-

нение. Заклинание действенное – монстр двигался все медленнее и медленнее, словно попал в вязкое желе. Будута выжидал на краю полянки, готовый к бегству, Любовод, положив ладонь на рукоять меча, стоял возле костра перед испуганной Урсулой.

– Привет, приятель, – оскалился на него Середин, скинул мешок и перебросил щит из-за спины в руку. – Не ожидал увидеть? Думал, продал – и все, с концами? Самоцветов тебе захотелось? За самоцветы продал, паскуда?!

Новгородец увернулся от удара сабли, отскочил:

– Как продал, кого?

– Меня продал! Бросил одного, чтобы рабыню Аркаиму сбегать!

– Да ты... – Опять отскочил купец и, поняв, что и вправду рискует, выхватил оружие. – Не было...

– Не было? – Клинки, звякнув, скрестились. – Кто меня ждать у старого лагеря обещал? Кто? И где ты был? Лжец! Урсулу колдуну продал, меня предал, сбежал...

Олег сделал выпад, метаясь Любоводу в живот, но тот ловко отвел удар мечом, попятился на пару шагов, положил клинок на изгиб локтя.

– Не вынуждай меня, друже... Мы ведь тебя честно дожидались. Ты сам отстал.

– Я отстал?!

Ведун снова ринулся вперед. Его выпад в голову купец отразил – но удар ребром щита чуть не переломил ему руку выше локтя, новгородец чудом успел отпрыгнуть, пошел по кругу, помахивая мечом и не давая противнику примериться для нового выпада.

– Ты отстал! Сзади шел, все видели. Еще подгонять пытался. А потом отстал куда-то. Мы ждали почти весь день. Но ты так и не пришел.

– Лжешь! – опять рванулся к нему Середин, но купец просто отбежал и заскользил вдоль края поляны, не давая прижать себя к кустарнику.

– Это ты обезумел тут совсем! Тебя все видели, все! Урсула, скажи!

– Видели, господин! тут же подтвердила не вольница. – Ты молчал все время. Но рукой махал, чтобы шли. А как рассвело, пропал куда-то. Я звала, искала... – Она вдруг всхлипнула носом. И ничего... Пропал.

– Постой... – замер Олег. – Молчал, говоришь? А на рассвете растаял? – Он медленно развернулся к мудрому Аркаиму. Ах ты, скотина... Значит, ты и им, и мне по мороку поставил, чтобы в стороны развести? Значит, это все твоя работа?

– Ты предал меня, чужеземец. – Правитель, уже заставивший медного стража замереть, с достоинством вскинул подбородок. – За это я решил тебя оставить...

Увидев сверкнувший на солнце клинок, мудрый Аркаим оборвал свою речь и, стремительно закружившись в излюбленном боевом танце, скользнул навстречу. Олег попытался достать его шеи саблей, но правитель присел – и в тот же миг от сильного удара когтей крайняя доска щита отлетела в сторону, с мясом вырванная из заклепок. Середин отступил, пошел вокруг колдуна, выискивая слабое место – но с таким успехом можно было бы пробивать защиту включенного вентилятора. Ведун попытался отсечь мелькающие белые кисти – правитель отдернул руки, резко вытянул, и теперь Середину пришлось отскакивать, спасая и без того опасно покалеченный щит. И тем не менее несколько белых щепок закружились в воздухе, опускаясь на вялую траву.

– Голова не кружится? – Олег попробовал рубануть кончиком клинка развевающийся рукав. Он еще помнил, как подобное прикосновение вырывало оружие из рук, а потому сжал рукоять как можно сильнее. То ли благодаря этому, то ли нынешнее одеяние Аркаима не обладало боевыми свойствами халата, но клинок остался в руках, а на одном из рукавов появился надрез в ладонь шириной.

– Прощай, чужеземец! – И мудрый Аркаим ринулся на него с решимостью торнадо. Вихрь из мелькающих на разной высоте рукавов, когтей, зловеще шелестящего подола заставил Олега попятиться.

Стук! Стук! Стук! – посыпались на щит удары, превращающие его в щепки со скоростью циркулярной пилы. Конечности правителя и его одежда слились в единое серое марево, и Олег понял, что, если он немедленно что-то не предпримет, вслед за щитом вихрь разнесет в клочья и его самого – и сделал то, чего от него совсем не ждали. Ринулся навстречу.

Щит погрузился в самое марево, тут же смялся и от страшного удара отлетел на несколько шагов. Но руки Аркаима оказались откинуты в противоположную сторону, вращение на миг остановилось, и этой доли секунды Олегу хватило, чтобы резким ударом эфеса в подбородок сбить врага с ног – рубить со столь близкого расстояния он не мог. Мудрый Аркаим по инерции еще дважды перекатился с боку на бок, попытался встать – и ощутил на горле холод отточенной стали:

– И ты прощай, правитель.

– Не-ет!!! – От костра в несколько больших прыжков примчался Любовод и повис на ведуне, обхватив его за плечи. – Нет, не убивай! Он нам судно даст! И самоцветов три сундука насыплет!

– Это за Урсулу, да? За Урсулу?

– Нет, не за нее! Не трогал ее никто! Она твоя рабыня, и без твоего ведома я ее никому тронуть не позволю!

– Ты смог меня победить, – поднявшись на ноги, начал отряхиваться мудрый Аркаим. – Это великий подвиг для смертного. Пожалуй, за такое я мог бы тебя и помиловать.

– Что?! – возмутился Середин, пытаясь вырваться из прочных объятий друга. – Да я тебя уже три раза победил! Дважды во дворце и один раз здесь!

– Ну первый раз это была случайность...

– Ничего себе случайность – топором по голове! Случайность – это то, что ты жив остался!

– А во второй раз и вовсе не ты, а мертвецы меня толпой задавили.

– Но это я догадался послать их на тебя! Я, а не ты!

– Ну хорошо, смертный, – поджал губы мудрый Аркаим. – Ты был неплох. Я прощаю тебя.

– Интересно, за что?

– Ты предал меня, чужеземец.

– Я тебе, что, холоп, чтобы предать?

– Ты забываешь, чужеземец, что по моей воле смолевники спасли твою никчемную жизнь, вынули из петли, привезли во дворец. По моей воле тебя исцелили, выкормили...

– И послали на убой, – добавил Олег. – Я сейчас заплачу. Тебе рассказать, мудрый Аркаим, как на самом деле все было? Ты вдруг узнал, что бог Итшахр проснулся. Почувствовал, услышал. И понял, что начинает сбываться пророчество о появлении двух чужаков, что перевернут ваши страны разрушат древний ваш уговор с богами и вернут Итшахру былое могущество. Чужаков у вас появляется мало, и когда кумаи увидели с небес, что сотники Раджафа захватили чужеземцев и намерены их казнить, ты понял, что это мы и есть. Те, о ком сказано в пророчестве. С нашей смертью все твои надежды рушились, а потому ты послал своих черносотенцев, спас нас от казни, привез во дворец и носился с нами, как с писаной торбой. А для проверки пророчества – истинные мы посланцы или нет – дал мне армию и кинул воевать против брата. И ради тебя, мудрый Аркаим, в благодарность за гостеприимство, я, живота своего не жалея, половину Кайма на уши поставил и до самой столицы дошел. Так что нет у меня перед тобой долгов. Все, что мог, я для тебя сделал.

– Но потом ты привел врагов в мой дом! Ты предал меня!

– Я тебе в верности не клялся! Я пришел, чтобы спасти свою рабыню, которую ты мог убить, принести в жертву.

– Но не убил же! И я все равно спас тебя от петли.

– Ты сделал это ради собственной корысти.

– Какая разница? – пожал плечами правитель. – Но я все равно тебя спас. А ты меня предал. Разве твоя жизнь не стоила того, чтобы ты не стал приводить врагов к моему порогу?

– Коли на то пошло, мудрый Аркаим, то и у тебя есть передо мной долг, который ты не потрудишься покрыть. Ведь это я принес первую жертву и разбудил бога Итшахра. Разве такой подарок не стоил спасения от петли? Любовод, да перестань же на мне висеть! В тебе весу, как в лошади, а я не деревянный.

– Да, теперь я это знаю. – Правитель перевел взгляд на рабыню с разноцветными глазами. – Ты продашь мне ее?

– Нет.

– Я дам тебе за нее тысячу самых красивых девушек Кайма!

– Ты пока еще не его правитель, мудрый Аркаим.

– Это пока, – улыбнулся колдун. – Твой друг обещал помочь мне захватить столицу моего брата, вероломного Раджафа.

– И ты, я уверен, нам поможешь, – тут же подтвердил его слова купец. – Ведь за эту помощь мудрый Аркаим обещал насыпать нам три сундука самоцветов и дать судно с командой для возвращения домой!

– Любовод, а ты случ...

Купец, не дав ему договорить, качнулся вперед и в самое ухо коротко шепнул:

– Ксандр.

Олег так и застыл с раскрытым ртом. Он, конечно, помнил, что в Кайме в качестве заложника остался кормчий и что того не мешало бы освободить. Значит, каким-то образом туда нужно проникнуть. То, что здешний правитель намерен захватить столицу – это невероятное везение. Но то, что Любовод, купеческая душа, ухитрился вместо выражения радости срубить за нужное им всем нападение лишних три сундука и корабль с командой... Тут можно только молчать.

– Так ты поможешь мне в этом, чужеземец? – поинтересовался мудрый Аркаим.

– Тогда и мне сундук самоцветов, – выдохнул Середин.

– Ты же воин, ведун Олег, – удивился правитель. – Зачем тебе сокровища? Ты получишь славу!

– Славу на хлеб не намажешь, мудрый Аркаим, и шубы из нее не сошьешь.

– Разве дело воину думать о таких пустяках? Дело воина – сражаться. О прочем должен заботиться его повелитель.

– Да, мудрый Аркаим, – согласно кивнул Олег. – Мне уже не раз намекали, что быть свободным – не самое выгодное положение.

– И они были правы, чужеземец, – улыбнулся правитель. – Пожалуй, я обдумал твои слова. Ты разбудил бога Итшахра, ты сражался на мое благо, ты победил меня в честном и почти честном поединках, ты принес нам весть о будущем и привез в наши владения девушку с синим и зеленым глазами. Ты был спасен мною от смерти и исцелен, ты предал меня. Пожалуй, я не могу сказать точно, принес ты больше добра или вреда, чужеземец. Посему я готов забыть то, что случилось до сего дня. У меня более нет вражды к тебе, я готов вновь принять тебя на службу и награждать в согласии с деяниями твоими и щедростью, достойной законного правителя Кайма.

– Только не говори, что в знак примирения мы должны пожать руки, мудрый Аркаим, – попросил Середин. – Глядя на свой щит, я подозреваю, что тот, кто ощутит твое рукопожатие, рискует лишиться всего предплечья.

– Пожимать руки? – не понял правитель. – Зачем? Будет достаточно, если ты поклянешься не изменять делу народа каимского, свободе и справедливости.

– Ты опять говоришь о свободе и справедливости, мудрый Аркаим, – вздохнул Олег. – Но при этом предпочитаешь воинов-зомби и служишь богу мертвых.

– Ну да, – пожал плечами правитель. – Я пользуюсь силой мертвых. А ты думаешь, кто поступает иначе? Или этот медный страж ходил, напиваясь светом Хорса?¹ Он точно так же пожирал силу мертвых, которую вложил в него вероломный Раджаф, как и твоя армия! Что поделаться, коли мы все живем за счет силы, отдаваемой мертвыми. Мы пожираем плоть убитых животных и мертвых растений, мы сжигаем мертвые деревья, мы посылаем в бой армии мертвецов и вкладываем силы умерших предков в движения медных стражей и каменных строителей. Кто бы смог выстроить наши великолепные дворцы, вырыть бездонные колодцы, добывать руду и передвигать горы, если бы мы не научились управлять силой, запасенной за время жизни тысячами мертвецов? Да, я знаю, мы потребляем их силу намного быстрее, нежели в мир мертвых уходят новые поколения, и иногда мне страшно подумать о том дне, когда кладбища и могильники опустеют и нам нечем будет напитать силы могучих воинов и сдвинуть валы мощнейших механизмов. Не знаю, что случится с миром в эти тяжкие годы и как смогут выжить народы, оставшись наедине со стихиями и капризами богов. Но сейчас мы вершим слишком важное дело, чтобы экономить силы и души. Настает время пересмотреть наш уговор с богами. Время сделать людей равными богам!

– А что думает об этом равенстве бог Итшахр?

– Среди богов, как и среди людей, есть разные характеры, чужеземец, – покачал головой правитель. – Ты общался когда-нибудь с мудрецами, ведун Олег? Тогда ты знаешь, что между ними есть те, кто смотрит на простых смертных свысока и с презрением отмахивается попытки учеников подняться до своего уровня, считает себя великим и непревзойденным и готов бороться за то, чтобы оставаться таким и впредь. А есть те, кто с радостью делится своей мудростью и силой, стремится каждого дотянуть до себя и даже подталкивает выше. Таков и бог Итшахр. Он искренне желает, чтобы все мы, люди и боги, стали равными. И посему я желаю спросить тебя, чужеземец. Ты уже приносил клятву верности нашему богу. Готов ли ты и впредь служить ему, служить мне и делу нового уговора с богами?

– Все это слишком возвышенно для простого смертного, мудрый Аркаим, – повел бровями Олег. – Мне проще говорить о чем-нибудь более приземленном. Например, о том, что столицу Раджафа действительно нужно... освободить. И я готов в этом помогать.

– Ты не захотел давать клятвы, – перевел его уловку в слова правитель отверженных. – Хорошо, пусть будет так. Начнем с того, что выкинем Раджафа из нашей древней столицы.

– А кулеш-то совсем дозрел, бояре, – внезапно встрял в их разговор Будута. – Коли страж медный боле на нас не кинется, то и поснедать не грех.

– Страж... – перевел взгляд на медного истукана Олег. – Что ты сделал с ним, мудрый Аркаим?

– Забрал его силу, чужеземец, – развел руками правитель. – Мой брат силен в зеркалах и интригах, я сильнее в знании мертвых, в птицах, в милости Итшахра. Я забрал из истукана силу мертвых, и теперь он будет стоять здесь много лет, пока не накопит новую силу из умирающих трав, земных козявок, птиц. Либо пока кто-либо не принесет перед ним кровавую жертву, напоив его силой умирающего человека. Поначалу брат пытался воевать со мной этими стражами. Отливал, творил заклятия, насыщал смертью... Но после того, как мои мастера переплавили четырех монстров на подсвечники, он оставил эту мысль. В этом ремесле Раджаф слабее, много слабее...

– Дык, тебе оставлять, боярин? – опять окликнул их холоп. – Остывает.

¹ Солнечным светом.

– Ступай, перекуси, чужеземец, – разрешил мудрый Аркаим. – Я все равно сыт.

Середин кивнул, отошел к общему котлу, уселся в круг со своими спутниками, запустил ложку в кашу с разварившимися крупинками сушеного мяса и негромко поинтересовался, глядя перед собой:

– Куда вас носило, Любовод? Отчего во дворец Аркаима после побега не пошли?

– Дык, колдун, ты же сам самоцвет магический у правителя отобрал, когда в зале с ним бился. Вот мы в селение горное и отправились, где камни эти добывают да гранят. Мастер един этим занимается. Ста-арый... И дело свое медленно творит – всего пять камней у него было. Мудрый Аркаим два забрал, остальные оставил. Спрятать повелел.

– Медленно, быстро – а зачем им, на двоих с братом, много о камней? – пожал плечами Середин. – Странно, что у него запаса во дворце не имеется. Хотя, с другой стороны... Догадался, наверное, мошенник, что я раньше него туда попасть успею и саблей острой встречу. Вот и побоялся без кристалла магического возвращаться. Кстати, а коней в той деревне горной вы взять не догадались?

– Ты не видел, что за тропы туда ведут, друже. Как сами ноги не переломали, и то чудо. А уж лошадям... – Он безнадежно махнул рукой.

– Понятно, – кивнул Олег. – Значит, и дальше на своих двоих топать придется. – Он зачерпнул еще ложку каши, съел, недовольно покачал головой: – Что же ты, Будута, сало забыл кинуть? Хоть бы для аромата чуток добавил!

– Дык, боярин, как кухню грабили, каждый норовил че повкуснее утащить. От и не соблазнился никто на сало-то. Из всех ты один мудр оказался, – отвесил холоп ему поклон, – заместо копченостей да рыбы мяса сушеного и сечки взял. Токмо ими последние дни и спасаемся.

– Не все золото, что блестит, – ответил расхожей поговоркой ведун. – И не каждый самоцвет – сокровище... – Он понизил тон: – Ты про седьмой осколок сказывал, Любовод?

– Нет пока, друже, – улыбнулся купец. – Коли все разом продать, цена завсегда ниже получается, нежели в розницу. Вот как книгу мудрый Аркаим получит, да одного всего осколка ему не хватать будет – от тогда и торговаться станет веселее.

– Ты у него большое судно-то заказал? – Олег с трудом сдержал усмешку. – Чую я, пока ты трюмы самоцветами до самого верха не набьешь, мы отсюда не отчалим.

– А про невольницу твою речи не шло ни разу, – неожиданно посерьезнел купец. – Как под скалой правитель здешний про нее помянул, награду за нее обещая, ни разу боле не обмолвились.

– Верю, – вздохнул Середин. – Ты меня извини, друже, что про тебя так подумал. В одиночестве завсегда дурь всякая в голову лезет.

– Да я понимаю, друже, – кивнул новгородец. – Когда деньга такая крутится, всяко бывает. Иной и отца родного продаст, и брата кровного. А уж про друзей... – Он с досадой махнул рукой.

– Ты же не продал? – поднялся Олег.

– Так ведь и ты бы не продал... – Купец тоже поднялся, и они крепко обнялись, похлопывая друг друга по спинам. – Рад, что мы снова вместе, друг мой.

– И я рад, Любовод. Так куда мы теперь? Приятели уселись к котлу и снова взялись за ложки.

– Правитель во дворец вернуться предложил. Пару дней отдохнуть, в себя прийти, баньку стопить, переодеться. А уж потом дальше думать, как Каим брать.

– Разве у них есть бани? – удивился Олег.

– А рази нет? – еще больше удивился купец – Как же они иначе парятся? Мудрый Аркаим сказывал, мыться будем.

– Мыться, мыться... Забыл, как нас тряпочкой обтерли да по светелкам отправили?

– Дык, больные же мы были, колдун! Оттого и мыли нас с осторожностью.

– Ну посмотрим, посмотрим... А Каим захватить – чья идея была, Любовод? Твоя или правителя? Или мудрый Аркаим думает, что его?

– Какая разница, друже? Я лишь намекнул пару раз, что книга ныне, как пророчество сполняться начало, ему зело пригодиться может. А то как бы Раджаф не порушил ее со страху. Ну и что мы, коли наградят достойно, подсобить с этим делом можем.

– Главное, чтобы с кормчим ничего не случилось, пока мы до него добираемся.

– Не, не должен его Раджаф тронуть. Он же ведает, кто мы таковые. Побаивается. Пока Ксандр жив – нас его смертью пугать можно. А коли мертвый – пугать уж нечем. Посему не должен он кормчего трогать. Выждать станет.

– Хорошо бы, коли так...

Всесильная книга Махагри

С баней Любовод все-таки промахнулся. Под помывкой в горном дворце понимали именно обтирания влажными ароматными тряпочками после экономного обливания водой из ковшика. Зато в остальном путники отдохнули от души: почти полсуток сна на мягких перинах, чистая одежда, груши, абрикосы, персики – всего вдоволь, мясо вареное, жареное, печеное, тушеное, рыба – на любой вкус. Но ничто не приходит просто так – и вороненные чешуйчатые брони, что были принесены мужчинам вместе с рубашками, войлочными поддоспешниками и меховыми накидками, лишний раз подтверждали эту незыблемую истину.

Два дня отдыха – на третий путники выехали из ворот селения, имея в поводу по паре заводных скакунов. На этот раз мудрый Аркаим самолично выступил в поход. Может, не очень доверял однажды изменившим ему чужеземцам, может, считал, что цель нового наступления слишком важна, чтобы наблюдать за боевыми действиями с высоты птичьего полета. Урсула тоже покачивалась в седле рядом с Олегом. Ведун не решился оставить ее одну: слишком уж много развелось в Кайме желающих глянуть в ее разноцветные глазки, слишком большую цену назначали правители за ее жизнь и кровь.

Двигались они знакомым путем: по тракту к реке, затем по ледяному мосту, созданному магией Аркаима, на отмель, потом направо к ручью, с версту скакали по мелкой гальке и наконец оказались на поляне, с которой начиналась дорога к первому прибрежному городу Раджафа – Киве. Правда, на рысях путь в четыре пеших перехода всадники одолели часов за восемь и первый раз остановились на привал возле родника среди некошенных лугов.

– Завтра Кива нашей будет, – вспомнил Любовод, когда, расседлав своего коня и отерев его от пота, повел к ручейку на водопой. – Опосля, помнится, Ламь, за ними Птух, Аналараф, Та-кем – и все, мы под стенами столицы. Коли нигде не задерживаться, дня за три добраться можно.

– За Ламью Туеслов стоит, – поправил Аркаим.

– Нет больше Туеслова, – ответил Олег. – Во время прошлого похода сопротивляться он стал. Вот и разорили мы его вчистую, ничего не осталось.

– Да, помню, я видел, – спохватился правитель. – Там ныне токмо холмы, да трава зеленеет. А как вы ныне, без армии, города брать намерены, чужеземцы?

– Мы? – не понял Середин.

– Конечно, – кивнул правитель. – За что же я вам такую грудку самоцветов отсыпать обещал? За разговоры путевые, что ли? Вы помочь со взятием Кайма подрядились. А коли так, то и городки путевые подчинить должны. Как же мы столицу осадим без опоры прочной за спиной?

– Интересно... – согласился ведун. – Чего примолк, Любовод, друг мой? Поведай нам тайну сию великую, как мы вчетвером, невольницы не считая, города на своем пути покорять станем?

– Ну, дык... – сбив на лоб укрепленную железными пластинами ушанку, зачесал в затылке купец. – Ну, дык, ты придумаешь чего-нибудь, колдун. Ты завсегда выкручиваешься. А?

– А, ведун Олег? – с кривой усмешкой поддакнул новгородцу мудрый Аркаим. – Придумаешь чего али назад вертаться станем? Три сундука самоцветов даже для меня цена немалая. Пусть в казне остаются.

– Зачем же их покорять, правитель? – пожал плечами Олег. – Насколько я помню, все эти города тебе клятву верности во время предыдущего моего похода принесли. А раз так, то это они нам ополчение для нового похода дать обязаны, а не мы их снова штурмовать. Подойдем завтра, о клятве напомним. А как ответят, так и решать станем.

Кивцы не ответили никак. Когда рано утром небольшой отряд появился возле склона города, его встретила полная, абсолютная, мертвая тишина. Ни детишек наверху, возле цветочных клумб, ни женщин, увязывающих снопы на недалеком поле, ни скотины с караулящими ее пастушками, ни мужчин с косами на плечах либо на возках со столь необходимыми при наступающих холодах дровами.

Ведун, подъехав к самому селению, натянул поводья, повернул голову к мудрому Аркаиму:

– Не встречают чего-то красны девицы хлебом-солью. А лезть наверх да в люки стучать несолидно как-то. Правитель ты – или бродяжка простой, которому пожрать на обед нечего. Встречать должны у ворот, да с уважением.

– У них же нет ворот в городе, – встрял с неуместным напоминанием Будута, но на него никто не обратил внимания.

– Может, не заметили нашего приезда, господин? – наивно предположила Урсула.

– Собственно, именно это они и пытаются изобразить, – согласился Олег. – Когда я с сотнями пехоты появился, дураку ясно было, что запертые двери выбивать стану. А так, вшестером... Думают, пересидят тихонько, да и обойдется как-нибудь. Побродим над запертыми дверьми да и дальше уедем. Скажи, мудрый Аркаим, ты можешь как-то дать знать о своем приезде? А то глашатаев мы как-то не захватили.

Правитель нахмурился, вскинул руку – и прямо с чистого неба в земляные валы города ударили несколько ослепительных молний. Невольница, испуганно вскрикнув, зажала уши, под Любоводом и холопом, всхрапнув, шарахнулись в стороны кони, двое заводных и вовсе понесли – Будута кинулся в погоню. Однако город оказался не только слепым, но и глухим. На нем не открылся ни один люк и не появилось ни единого человека.

– Вот, значит, как они своего законного правителя встречают, – сделал вывод Середин. – А ведь так освобождению радовались, присягу мудрому Аркаиму добровольно, считай, принесли. А как дубина над головой висеть перестала, так сразу двери на замок, сами под лавку и лежат, валенками прикидываются.

– Валенками? – рассмеялся правитель. – Это ты ладно молвил – «валенками». Весел ты, чужеземец. С таким и дружить, и биться ладно. Однако же что делать станем? Я могу к вечеру бурю собрать, ливень на них обрушить, молнии.

– А проку? – пожал плечами Середин. – Дома ведь для того как раз и строятся, чтобы бурю-непогоду в тепле, сухости и безопасности пережить. Киве от шторма ничего не станет, а вот мы вымокнем да замерзнем, как цуцки.

– Дальше тогда поскачем? – спросил Любовод.

– Тоже нельзя, – покачал головой Олег. – Одному селению неповиновение спустишь, все остальные после примера такого тоже взбунтуются. Киву нужно вразумить. Один город воспитаешь – стало быть, и в прочих хлопот уже не будет... Разбивайте лагерь. Будем Киву брать.

– Как скажешь, друже, – потянул правый повод купец, поворачивая коня. – Тоды я за холопом поскачу. Вижу, не угнаться ему за скакунами сбежавшими.

Невольница же спешила, отпустила подпруги и стала снимать с конских спин узлы с походными припасами.

– Как же ты город брать собираешься, ведун Олег? Нешто у тебя армия небольшая за пазухой спрятана?

– Нету у меня ничего за душой, мудрый Аркаим, это ты верно заметил, – согласно кивнул Середин. – Но утро вечера мудренее. Глядишь, и придумаю чего.

– А разве ныне не утро, чужеземец?

– Утро, – согласился Олег. – Но в голову пока ничего не лезет.

Он приподнялся на стременах, огляделся по сторонам в поисках какой-нибудь подсказки.

– Кладбище здешнее, чую, там дальше, за березняком лежит, – указал правитель.

– Знаю, – кивнул ведун. – Но всех мертвецов, пригодных для битвы, я отсюда во время прошлого похода поднял. Токмо дети малые да женщины остались. Куда их, пусть и мертвых, в сечу бросать? Пусть покоятся с миром... Мне вот что интересно, мудрый Аркаим, а у соседних с вашей страной племен могильники есть? Может, навестить их, со стороны сил набраться?

– Не получится, чужеземец, – покачал головой правитель. – На юг степь лежит. Тамошние обитатели своих мертвых земле предают, однако же кладбищ не имеют, хоронят своих там, где те путь свой заканчивают. Сказывают, помечают они как-то могилы знаками тайными. Однако же поди найди их средь просторов! Все ноги стопчешь, пока хоть сотню соберешь. На закат, за горами, народы своих умерших на кострах жгут. И добираться к ним через скалы и горы тяжело, да и проку не будет. На восход от нас народ иши обитает. Те боятся, что их мертвые могут стать добычей злых духов, и оттого съедают покойника на прощальном пиру, всех родственников и друзей его собирая. Кости обглоданные – и те в тайные места прячут. В общем, совсем дикие люди.

– Не уверен, – тихо пробормотал ведун. – Имея соседей вроде вас, поневоле трупы прятать начнешь.

– На севере от Кайма остяки обитают, а немного восточнее – югры. Они тоже кочевать любят, вблизи от порубежья нашего кладбищ не делают. Сказывают многие, дальше на север у них и обычные селения имеются, с домами, из дерева рубленными, и кладбища есть. Однако же далеко до тех мест больно, ох, далеко... Коли на рысях, то и с месяц, может, скакать придется, а то и более.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.